

доктор смерть

Виктория Дьякова



секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Виктория Дьякова

Доктор Смерть

«ВЕЧЕ»

2011

Дьякова В. Б.

Доктор Смерть / В. Б. Дьякова — «ВЕЧЕ»,
2011 — (Секретный фарватер (Вече))

ISBN 978-5-4444-8706-8

В конце 1944 года в концлагере Аушвиц в секретной лаборатории активно велись опыты по созданию психотропного оружия под руководством доктора Менгеле (в романе выведен под именем Дитрих Бруннер), получившего за свою одержимость и кровожадность прозвище «доктор Смерть». Конец Третьего рейха был уже не за горами – это понимали как его лидеры, так и их подчиненные. Бруннер, в частности, решил использовать готовые наработки для оказания услуг дамам из германской элиты, страдающим от различных психических недугов и переживаний. Для расследования незаконной деятельности Бруннера из Берлина в Аушвиц приезжает адъютант самого Вальтера Шелленберга вместе с психиатром Маренн фон Кобург, доверенным лицом всемогущего шефа разведки. Однако в дело вмешивается рейхсфюрер Гиммлер и спасает Бруннера от сурового служебного расследования. Вскоре Бруннеру удастся под видом простого солдата уйти в американскую оккупационную зону. Но история его злодеяний на этом не заканчивается...

ISBN 978-5-4444-8706-8

© Дьякова В. Б., 2011
© ВЕЧЕ, 2011

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Виктория Дьякова

Доктор Смерть

© Дьякова В.Б., 2011

© ООО «Издательство «Вече», 2011

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

1

В мае 1945 года штандартенфюрер СС Отто Скорцени находился в одном из укрепленных районов недалеко от альпийского курорта Гармиш-Партенкирхен. Здесь он согласно достигнутой ранее договоренности ожидал своего адъютанта Рауха, задержавшегося в Берлине. Шеф СД Кальтенбруннер, обосновавшийся со своей охраной в высокогорной «охотничьей хижине», скорее напоминавшей логово затравленного зверя, без конца слал приказы немедленно начать террористические действия в тылу союзников. Но Скорцени, прибыв с группой «вервольф» в триста человек в район Зальцкаммергута, где были заложены секретные базы и склады оружия, оценил обстановку и пропустил американцев без единого выстрела.

Это случилось в районе австрийской деревни Аннаберг. Посовещавшись с Науйоком и другими командирами, они пришли к согласию, что проливать кровь дальше бесполезно, надо подумать об обустройстве в новом, послевоенном мире, о своем месте в нем. И как реализовать давно намеченный в недрах шелленберговской разведки план. Он состоял в том, чтобы надежно скрыв важнейшие документы и ценности рейха, предложить свои услуги новым «хозяевам» из союзнических спецслужб. А затем, приспособившись к новой обстановке, развернуть нелегальное подполье с выходом на политическую арену, сохранить единство Германии, и опираясь на поддержку западных держав, способствовать скорейшему восстановлению ее пошатнувшейся мощи, промышленной, финансовой, политической, военной, что обеспечило бы стране вновь главенствующее положение в новой Европе.

Возрождению и расцвету поверженной страны должны были послужить вывезенные из сейфов берлинских банков и скрытые под водами озера Топлицзее и в сотнях других тайников сокровища нации. Они не достанутся победителям в качестве трофея. Но для того, чтобы воплотить в жизнь задуманное и контролировать решение долгосрочных задач, надо сделать главное – перейти к союзникам. Для этого существовал только один путь – сдаться в плен и попытаться договориться, тем более почва подготовлена заранее по каналам секретной связи.

Новое столкновение Востока и Запада неизбежно, так как невольных союзников по антигитлеровской коалиции, США, Англию и Советский Союз разъединяло гораздо большее, чем объединяло до сих пор. И в этом «голубом экспрессе нового времени» необходимо поскорее забронировать места, захватить позицию для нового удара, занять оборону перед уже обрушившимся натиском коммунизма, дабы избавить Германию от смертоносного яда марксистских идей и губительных последствий просталинского руководства. Борьба с Востоком вот-вот продолжится – Шелленберг прогнозировал эту ситуацию еще в сорок третьем году, но теперь – на другой основе. На почве экономического соревнования и гонки вооружений, победа в которой должна остаться за Западом.

Боевым же окончанием этого «копья западных демократий», которое вот-вот скрестится с коммунистическим, и должна стать Германия, нарастившая утраченные силы за счет вывезенных богатств рейха и удачно воспользовавшаяся всеми преимуществами государства-форпоста на пути «красных» сил.

– Через сорок лет коммунизма не будет, – сказал как-то Вальтер Шелленберг, – Германия отомстит за себя.

Алик Науйокс тогда насмешливо осведомился:

– Мы доживем? Или нас уже повесят?

У Скорцени был готов разработанный еще на Беркаерштрассе план экономической диверсионной войны против СССР, которая будет целенаправленно раскачивать экономические основы восточного колосса, используя слабости их организации и функционирования.

Важная роль в осуществлении этого плана отводилась тем специалистам из разведки Шелленберга, которые останутся в живых после войны, уедут в эмиграцию или окажутся в плену у союзников. Несмотря на личные весьма натянутые отношения с Шелленбергом, Скорцени отдавал должное его способностям и проницательности. Его отнюдь не обрадовал демарш Кальтенбруннера, предпринятый им в самом конце апреля 1945 года, на краю общей катастрофы, когда стало известно о тайных переговорах с союзниками. Он сместил Вальтера Шелленберга с его поста руководителя Шестого управления СД и назначил вместо него самого Скорцени.

Объективно оценивая ситуацию, Отто понимал трагикомичность такого назначения «за пять минут до смерти», тогда как для будущего было важнее, чтобы Шелленберг сохранял в своих руках все бразды правления – ведь именно он владел в полном объеме информацией по операции и координировал всю деятельность. План Скорцени являлся лишь частью общей стратегии «выживания» в послевоенном мире и продолжения борьбы с Востоком, созданной «гением» гиммлеровской разведки, как частенько называли шефа Шестого Управления. Стоило ли рисковать будущим ради удовлетворения личных амбиций, особенно теперь, когда исчез даже повод для разногласий. Маренн, если все получилось так, как рассчитывал Скорцени, должна была уже находиться в Париже. У нее теперь своя жизнь, она не имеет отношения ни к нему, ни к Шелленбергу, пути их разошлись...

Поэтому, игнорируя приказ Кальтенбруннера, Скорцени и Науйокс отдали своим людям распоряжение, несмотря ни на что, сохранять верность Шелленбергу и выполнять все его поручения. Тем более что с подтверждением этой позиции прилетел посланец рейхсфюрера из штаба Деница. Шелленберг оставался главой Шестого Управления и главным вдохновителем и организатором всей деятельности.

Итак, переход подготовлен и согласован. Шелленберг должен действовать с Севера, они – на юге. Главное, на первом этапе получить индульгенцию, которая давала бы право легально «прописаться» в послевоенной действительности. А значит, необходимо пройти через суд, который определил бы их невиновность или в крайнем случае ограничился мягким наказанием, условным или с коротким сроком заключения.

Тут имелась определенная доля риска, так как следовало предполагать, что Советы не будут смотреть со стороны, как союзнические арбитры выписывают «отпущение грехов» отнюдь не последним лицам в германской разведке. Они постараются вмешаться и внести коррективы в виде пожизненного заключения или петли. Кристально невиновных не было – принадлежность к СС обвиняла их сама по себе.

Однако другого пути не виделось. Нелегальное существование под постоянной угрозой ареста их не устраивало. На полное оправдание и свободу они также не рассчитывали, но что-то среднее, полуполегалное, полу...

Главное – обзавестись солидной опорой. Найти людей, заинтересованных закрыть глаза на их прошлое, которые могли бы создать прикрытие для будущих операций. Такие, без сомнения, найдутся у союзников...

Шелленберг, воспользовавшись покровительством графа Бернадотта, составил в Швеции меморандум, в котором перечислялись по пунктам попытки и демарши, предпринятые им и его людьми, чтобы путем переговоров остановить войну и добиться мира.

Когда весть об этом вслед за сообщением о тотальной капитуляции достигла Австрийских Альп, Скорцени и Науйокс распустили отряды «вервольф». Пора приниматься за дело. Однако для осуществления плана возникло одно непредвиденное препятствие – до сих пор не появился Раух, которому отводилась одна из главных ролей в задуманном спектакле. По расчетам Скорцени, если Раух действовал в соответствии с его приказом, он давно уже должен находиться в лагере. Видимо, обстановка внесла коррективы. Предположить можно, что угодно. Скорцени мучило тревожное беспокойство за Маренн. Что если им не удалось

выбраться из Берлина, и они попали в плен или того хуже... Может быть, что-то случилось с Джилл?

Неизвестность угнетала. Раух давным-давно должен был вернуться. Понимая, что нельзя сбрасывать со счетов худшее, Скорцени начал подумывать о том, кем его заменить. Ведь в случае гибели Рауха, операцию останавливать нельзя.

Маренн... Он с трудом заставлял себя отключиться от мыслей о ней. Была ли она в Берлине, когда начались уличные бои? Где она сейчас и что с ней? Жива ли? Он очень надеялся, что все получилось так, как и рассчитывали, что она вместе с Джилл добралась до Парижа. Тогда можно спокойно действовать дальше, рисковать – ее это уже не затронет. Она вышла из игры.

Своими опасениями он не делился с Науйоксом – переживал про себя. Ему не хотелось навязывать Алику свои проблемы. Тем более что он вряд ли откликнулся бы. Несмотря на общительный нрав, Науйокс после смерти Ирмы замкнулся в себе и погрузился в безмолвие. Он часами неподвижно лежал на дощатом настиле в землянке, заменяющем кровать, курил, глядя в одну точку.

Скорцени даже казалось, что стало бы легче, если б он ругался или кричал. Но его отчуждение было молчаливым и непроницаемым. Он словно потух, остыл. Отзывался лишь когда разговор касался дела. Тут он по-прежнему мыслил ясно, действовал быстро, решительно и твердо.

В Гармиш-Партенкирхен Скорцени встретились старые знакомцы – семейство фон Блюхеров. Вилла этого аристократического семейства располагалась недалеко от того места, где встал лагерем отряд Скорцени. Скорее всего, отдавая себе отчет, что знакомство с ним в сложившихся обстоятельствах, никому не составит чести, Отто сам не стал бы напоминать о себе. Но неожиданно в лагере появился посланец старшего из братьев фон Блюхеров, Людера, который, как оказалось, после ранения на Восточном фронте, находился на вилле. Он приглашал Скорцени приехать к нему. Приглашал, как было написано в письме, «настоятельно». Отто это удивило. После того как он расстался с Анной еще в 1938 году, встретив Маренн, между ним и потомками фельдмаршала, разгромившего Бонапарта под Ватерлоо, как говорится, пробежала черная кошка. Фон Блюхеры, конечно, не напоминали ему о себе, они понимали, сколь высокое положение он занимает в нацистской иерархии, но, скорее всего, пренебрежения не простили. Он же не интересовался ими вовсе. Скорцени знал, что Анна уехала из Берлина, вернулась сюда в Гармиш-Партенкирхен. Он не сомневался, что родители, которые не вполне одобряли ее увлечение «эсэсовским выскочкой», как они называли Скорцени, выбрали ей спутника жизни поважнее. С их точки зрения. Честно говоря, за все время, что минуло с момента их разрыва, Отто даже и не слышал об Анне, он совершенно забыл о ней. Его увлекала новая любовь, Маренн занимала все более серьезное место, все его мысли сосредоточились на ней. И только теперь, задумавшись в тишине у горного озера о судьбе Анны, о том, как она могла сложиться, он вдруг поймал себя на беспокойной мысли – странно, что он больше никогда ничего о ней не слышал. Анна любила шумную столичную жизнь, обожала светские рауты, красивые наряды, рестораны, развлечения. Она была не из тех, кому пренебрежение пусть даже известного, «престижного» кавалера разобьет сердце. Она всегда была уверена в себе, в своем превосходстве, в праве на все самое лучшее в жизни. Вряд ли она могла предпочесть жизни в Берлине, со всеми ее соблазнами, во всяком случае, до 1943 года, затворничество в отдаленном поместье. Анна наверняка напомнила бы ему о себе, и не один раз. Тем более, если бы удачно вышла замуж. Она бы блистала во всех самых дорогих ресторанах и на всех самых посещаемых собраниях. Что-то с ней случилось. Но что? Теперь Скорцени был даже готов предположить, что неожиданное приглашение старшего фон Блюхера связано именно с Анной. Возможно, ей нужна его помощь.

Потому, предупредив Науйокса, отправился в поместье на следующее же утро.

Втайне он надеялся встретить Анну, узнать, что с ней все хорошо и приглашение на виллу вызвано исключительно ее женским любопытством. Но в то же время, как опытный разведчик, он сразу отметил про себя – фон Блюхер ни словом не обмолвился об Анне в письме, даже не намекнул на то, что она там находится. И скорее всего, надежды его тщетны – Анны на вилле нет. Тогда где она?

Капитан вермахта, Людер фон Блюхер, встретил Скорцени на крыльце дома. Как и опасался Отто, один. Сухо поздоровался, пригласил войти. Прихрамывая и опираясь на трость, проводил в гостиную.

– Мой брат Хуберт просит простить его, он не может присоединиться к нам, – проговорил негромким, слегка надтреснутым голосом, усаживаясь в кресло под портретом легендарного фельдмаршала и предлагая Скорцени сесть напротив. – Он сильно простудился, у него температура. Он почти до середины апреля оставался в Берлине, как вы знаете, работал на киностудии. Ему чудом удалось вырваться оттуда, когда подошли русские.

– А Анна? – спросил Скорцени, напряженно ожидая ответа. – Что с ней? Она уехала из Германии? Вы позаботились об этом?

Ответом ему послужило гробовое молчание. Людер опустил голову и неподвижно смотрел в пол. Дверь, ведущая в соседние покои, скрипнула. Там кто-то слушал их разговор. Скорее всего, это Хуберт, который вовсе не болел, а просто не захотел встречаться с ним. Или просто испугался по какой-то причине.

– Так что с Анной? – настойчиво повторил вопрос Скорцени. – Почему вы молчите, капитан? И для чего тогда вы меня сюда пригласили? Я полагал, что именно ей потребовалась помощь.

– Анны здесь нет, – глухо ответил Людер. – Нет давно. А помощь, помощь вы уже оказали, достаточно, – Людер криво усмехнулся, – господин штандартенфюрер, как я вижу, – он окинул взглядом мундир Скорцени. – Поздравляю. Вы сделали отличную карьеру. Впрочем, в этом никто никогда не сомневался. С вашими-то способностями.

– Я не понимаю, к чему вы клоните, капитан, – Скорцени почувствовал тревогу, не за себя – за Анну. – И что вы имеете в виду? Какую помощь? Что с Анной?

– Я вижу, вы пришли один, без охраны, – Людер откинулся в кресле. – Что ж, я понимаю, вам нечего бояться. Наверняка вашим молодчикам там, в горах, известно, куда вы направились, и если вы не явитесь к определенному часу, они сравняют нашу виллу с землей.

– Мне непонятны ваши намеки, капитан, – жестко парировал Скорцени. – Я попрошу вас выражаться ясно и конкретно, коли уж вы сами пригласили меня прийти сюда и я пришел. Что с Анной? Где она?

– Она там, куда вы ее отправили, – произнес Людер, пристально глядя на Скорцени. – В сумасшедшем доме.

– Что?

На какое-то мгновение Скорцени лишился дара речи. Он ожидал всего, что угодно, но только не этого. Подобное развитие событий никак не вязалось с представлением об Анне.

– Мне кажется, капитан, даже если вы говорите правду, – он попытался взять себя в руки, – то преувеличиваете мою роль. Не поверю, что наш разрыв мог так повлиять на Анну. Я неплохо знал ее, она человек вовсе не такого сорта. Как давно она находится там?

– Давно, – Людер фон Блюхер наклонился, раскуривая трубку. – И я не удивляюсь, что вы ни разу не поинтересовались ее судьбой. Но продолжаю настаивать, что именно вы, штандартенфюрер, причастны к ее болезни. Точнее, та докторша, на которую вы променяли Анну, – он посмотрел Отто прямо в глаза. – Для меня это одно и то же. Не сомневаюсь, что с ней все в порядке. Фрау Ким, так, кажется, ее зовут. Она работала в клинике Шарите у профессора де Криниса. Вы ее туда устроили.

Последние слова Людера прозвучали как-то зловеще. Скорцени не мог поверить в то, что услышал. Людер смотрел на него, не отводя взора, щека его дернулась, как в нервном тике. Он наклонился вперед.

– Вы не знаете, что она сделала с Анной, эта ваша фрау Ким? – спросил он почти шепотом. – Помилуйте, штандартенфюрер, я не поверю, что все произошло без вашего ведома. Так мило все разыграно.

– Что разыграно? – резко оборвал его Скорцени и, поднявшись, подошел к окну. Закурил сигарету. За окном шелестел ветвями старинный красный вяз, с едва раскрывшимися молодыми листиками.

– Вы хотите сказать, что Анна лечилась у фрау Ким в Шарите? – он повернулся к фон Блюхеру. – А с какой стати? Она всегда была совершенно здорова. Я отлично помню, что до самого того момента, как мы перестали с ней встречаться, она сохраняла здравый рассудок. Как получилось, что она заболела? Когда это произошло? И почему вдруг она решила лечиться у фрау Ким? Я даже не допускаю мысли, что если бы она лечилась в Шарите, я ничего не знал бы об этом. Если не Ким, то профессор де Кринис наверняка сообщил бы мне, что с Анной случилось такое несчастье. Скорее всего, именно он занимался бы со столь важной пациенткой. Ведь Ким все это время не занималась психическими расстройствами, она сосредоточилась на операциях. И занималась в основном с ранеными. Тем более, что Шарите госпиталь военный, он относился к нашему ведомству. Разве у Анны было ранение головы? С какой стати она оказалась у фрау Ким, да еще в клинике Шарите, находящейся в ведомстве СД? Кто ее направил туда? Это не могло произойти случайно.

– Конечно, случайно в психиатрические больницы, тем более к таким специалистам, как фрау Ким, не попадают, – произнес Людер с грустной усмешкой. – Попадают по поводу. И не без посторонней помощи. Хочу сказать сразу, – он как-то странно дернул головой, – все происходило в мое отсутствие. Вы знаете, я с тридцать девятого года в армии. Хуберта к этому времени также не было на вилле, он уже уехал в Берлин. Всем занимался отец, но умер в прошлом году, болезнь Анны сильно повлияла и на его здоровье. Могу сказать только то, что известно лично мне. В основном из отцовских писем. Вы знаете, я некоторое время лелеял мысль о том, чтобы поквитаться с вами. Хотел поехать в Берлин и спросить вас, чем помешала Анна? Ведь она отошла в сторону. Конечно, не сразу смирилась, но потом наверняка бы отвлеклась бы от вас и от вашей докторши, не стала бы чинить препятствий. Но вам было мало того, что вы ее унизили, предпочтя другую женщину. Вы ее убили. Точнее ваша докторша ее убила. Анна просто перестала быть человеком. Но я отказался от этой мысли. С одной стороны, фронт начал рушиться, стало не до этого, к тому же, что я могу против СС? Ничего. Все ответы на все мои вопросы известны заранее. Меня раздавят как букашку. Даже теперь, когда Гимmlеру и всей вашей лавочке, вроде как пришел конец.

– Послушайте, капитан, – Скорцени сделал несколько шагов и остановился перед Блюхером, сцепив руки за спиной. – В некотором смысле ваше желание исполнилось, я перед вами, и можете задать вопросы. Точнее, уже задали. Но никаких, как вы говорите, готовых ответов у меня нет. Напротив, признаюсь, я потрясен тем, что услышал, – он отвернулся, прошелся по комнате. – Я был уверен, что жизнь Анны сложилась вполне благополучно. Мне она не мешала ровным счетом ничем. Да и никому не мешала. Наверное, надо было поинтересоваться раньше. Где находится Анна сейчас? Все еще в Шарите? Госпиталь эвакуирован?

– Сейчас она в Швейцарии, – ответил Людер глухо. – Когда я вернулся с фронта в январе, сразу постарался перевезти ее в безопасное место. Мне стоило больших трудов забрать ее из Шарите, пришлось подключить давние отцовские связи, действовать едва ли не через самого Кейтеля, хотя в общей обстановке, которая сложилась уже на тот момент, кому есть дело до какой-то сумасшедшей девицы, пусть даже и из уважаемой аристократической

фамилии. Я отвез Анну в Швейцарию, надеясь, что ее смогут вылечить там. Но после первого же осмотра врачи дали мне понять, что рассчитывать на успех вряд ли придется. Вы говорите, что готовы ответить на мои вопросы? Так ответьте, господин штандартенфюрер, для этого, собственно, я и пригласил вас, ответьте перед памятью моего покойного отца, за что вы обрекли на безумие мою несчастную сестру? Принесли горе в наш безмятежный, веселый дом, где с тех пор, как Анна рассталась с вами, больше никто не слышал смеха и не был счастлив.

Людер попрехнулся, закашлялся. Тяжело поднялся, прихрамывая, подошел к камину. Плечи его горбились.

– Я уже говорил вам, что мне все эти семь лет ничего не было известно об Анне, – произнес Скорцени, помедлив. – Я не чувствую за собой никакой вины, так как лично никакого вреда не причинял, и даже не думал об этом. У меня хватало других забот и обязанностей. Ваши обвинения безосновательны. Что же касается фрау Ким, вы должны знать, сколь много она сделала для спасения раненых, которых часто считали безнадежными, скольким она вернула силы и здоровье, дала надежду на новую жизнь. Их невозможно сосчитать – сотни, тысячи. Я никогда не поверю, что из-за ревности, на которую вы намекаете, капитан, Ким могла свести счеты с женщиной, которая, по сути, и не была ей уже соперницей. Свести счеты таким страшным образом. Ким никогда не позволила бы себе использовать свои знания во вред человеку. Любому. Уж я-то знаю, поверьте. Мне не раз приходилось объясняться с шефом гестапо Мюллером по поводу ее щепетильности. К тому же пусть даже вам, как брату Анны, и неприятно это слышать, мои отношения с Ким были таковы, что если бы Анна оказалась каким-то образом в клинике Шарите и была серьезно больна, Ким бы сказала мне. Я в этом уверен. А теперь ответьте вы, капитан, кто же все-таки помог Анне оказаться в Шарите? Она лечилась там не под своей фамилией, как я понимаю? Верно? – он неотрывно смотрел на Блюхера.

Тот вздрогнул.

– Да, так, – ответил неохотно. – Наш семейный доктор убедил отца в том, что, если станет известно, будто его дочь лишилась рассудка, это отразится на общей репутации семьи. Вы знаете, как отец дорожил репутацией и фамильной честью. К тому же он был готов пойти на все, лишь бы Анну вылечили, под какой угодно фамилией. Он очень надеялся, это будет скоро. Она находилась в Шарите под девичьей фамилией матери, фон Венцлов. Анна фон Венцлов. Под этим именем она сейчас находится и в Швейцарии.

– И что, этот самый семейный доктор каким-то образом способствовал, чтобы Анна оказалась в Шарите? – догадался Скорцени.

– Да, – Блюхер наконец повернулся, на глазах его блеснули слезы. – У него там работал товарищ по университету. Они вместе учились у де Криниса, потом тот остался в Шарите у профессора в отделении. Фамилии его я не знаю, отец не сообщил мне ее в письмах. Знаю, что офицер, ведь в Шарите все врачи военные, у профессора на неплохом счету. Он взял Анну к себе, нашел способ. Отец был крайне ему благодарен. Он очень надеялся на де Криниса.

– Так, значит, этот врач взялся лечить Анну? Причем здесь Ким?

– Знаете ли, господин штандартенфюрер, – Людер скрестил руки на груди, вздохнув, – отец сам никогда не общался с этим доктором, он действовал через нашего семейного врача. Когда же стало известно, что положение только ухудшается, они сослались на то, что не имеют доступа к Анне, что теперь ей занимается фрау Ким. Мол, так распорядился де Кринис. Так и сообщили отцу. Кроме того, наш семейный доктор Мартин вообще сказал отцу по большому секрету, что фрау Ким не врач, она – ведьма. И она виновата в том, что происходит с Анной.

– Ну, знаете ли! – Скорцени усмехнулся. – Это просто бред какой-то. Под какой бы фамилией Анна не содержалась в госпитале Шарите, занимайся с ней Ким или даже сам де Кринис, они бы оба узнали ее. Ведь они знакомы лично достаточно близко. Скорей всего, ни Ким, ни Макс даже в глаза ее не видели, и, может быть, Анна содержалась вовсе даже не в Шарите, а где-то в другом месте? Иначе рано или поздно она попалась бы на глаза де Кринису, он бы читал ее медицинское досье. Ведь де Криниса вы не можете обвинить в том, что он имеет какие-то личные счеты к Анне? – Отто бросил взгляд на капитана. – Ведь так? Какой смысл ему скрывать ее присутствие. Напротив бы постарался, используя все возможности, помочь Анне. И, конечно, сообщил бы мне. Ведь ваш отец не посещал Анну в Шарите, как я догадываюсь?

– Нет, – капитан опустил голову. – Когда выяснилось, что она неизлечимо больна, у него парализовало ноги, и последние годы он провел в неподвижности, почти не покидая своего кабинета на вилле. Здесь и умер.

– И доктор Мартин, конечно, был прекрасно осведомлен обо всех этих обстоятельствах?

– Конечно, ведь он лечил отца, – Людер пожал плечами.

– Я полагаю, примерно так же, как и Анну, – Скорцени покачал головой. – А где он сейчас? Здесь, в Гармиш-Партенкирхене?

– Нет, полтора месяца назад уехал. У него мать живет где-то недалеко от Кельна. С тех пор я ничего о нем не слышал. Так что я вызволял Анну из Шарите и перевозил в Швейцарию уже без него.

– Я думаю, он просто сбежал, – заключил Скорцени. – Очень жаль, капитан, что ни вам, ни вашему отцу не пришлось в голову обратиться ко мне тогда, когда здоровье Анны только пошатнулось. Поверьте, я бы смог на самом деле организовать должное лечение, именно у профессора де Криниса, а не у какого-то сомнительного его ученика. Ведь, насколько я понимаю, лечение это было дорогостоящее. И деньги ваш отец, не имея возможности передвигаться самостоятельно, передавал через этого доктора?

– Да, так и было.

– Скорей всего, эти деньги никогда не попадали в Шарите.

– Но у нас сохранились счета, вполне официальные счета, и банковские чеки о получении.

– Не сомневаюсь, – Скорцени пожал плечами. – Вполне возможно, что какой-то ученик де Криниса действительно работал у него в клинике и был хорошо знаком с вашим доктором. Они могли вместе осуществлять аферы. А профессор ничего и не знал об этом. Очень плохо, что вы не знаете фамилии этого ученика. Хотя теперь все равно – все поздно. Вам надо было не ломать гордыню, – он снова опустился в кресло, прикуривая сигарету. – А обратиться ко мне. К этому времени ваш доктор сидел бы в гестаповской тюрьме с уголовниками, а не распоряжался вашими деньгами себе на пользу. А Анна... – он вздохнул, – если она и вправду была больна, скорее всего, ее состояние улучшилось бы, а может быть... ее довели до такого состояния? – вскинув голову, он в упор посмотрел на Людера. – У вас не было такой мысли?

Дверь снова скрипнула. Потом все стихло.

– Как началась ее болезнь? – спросил Скорцени, шеей чувствуя взгляд из-за приоткрытой двери.

– Я говорил вам, что был на фронте. Здесь, в Гармиш-Партенкирхене, вместе с отцом находился Хуберт, – он взглянул за спину Скорцени. – Не надо там стоять, входи сюда, раз ты встал и чувствуешь себя лучше, – позвал брата.

Опять послышался скрип. Отто повернулся. В небольшой проем, – словно он боялся распахнуть дверь шире, протиснулся юноша лет двадцати в темных брюках, светлой

рубашке и ярко-синей безрукавке с красными ромбами на груди. Он был худ, очень бледен. Светлые волосы зачесаны назад, под глазами – темные круги, то ли от пережитых в Берлине страхов, то ли от незавершенной еще болезни.

– Входи, входи, Хуберт, – подбодрил его старший брат. – Присоединяйся к нам. Ты говорил, что Анна встречалась в Берлине с фрау Ким. Ты сам это видел?

Молодой человек безмолвно кивнул.

– Ну, вот, расскажи об этом господину штандартенфюреру, – с усмешкой продолжил Людер, подходя к креслу и снова раскуривая потухшую трубку. – А то он не верит.

– Когда она встречалась с Ким? – Скорцени хмуро взглянул на молодого человека. Тот вздрогнул и как-то неуверенно сжал руки.

– Перед тем как уехать из Берлина, – ответил за брата Людер. – Помните тогда, в тридцать восьмом году. Как вы думаете, зачем ей было уезжать, ведь она так любила светскую жизнь, театры, танцы. Чтобы она делала тут, в Гармиш-Партенкирхене? Нянчилась с больным отцом? Сиделка, прямо скажем, из нее была никудышная.

– Я помню, что Анна встречалась с Ким, – ответил Скорцени невозмутимо. – Это было в ресторане «Дом летчиков». Анна тогда очень злилась. Но все происходило в моем присутствии, и могу утверждать наверняка, вряд ли эта встреча нанесла Анне какой-либо вред. Особенно в том, что касается здоровья.

– Да, она злилась, – кивнул Людер. – Вы правы, вы очень хорошо изучили ее характер. Ей не терпелось отомстить. Она вела себя вызывающе, порой смешно. Но надо отдать должное ее молодости, сестра не понимала, кому бросает вызов. Она просто пылала яростью. И вдруг приняла решение уехать из Берлина. Вас это не удивило.

Скорцени только молча пожал плечами, глядя на огонек сигареты.

– Здесь, в Гармиш-Партенкирхене, как говорит Хуберт, – Людер снова взглянул на брата, она сначала была настроена очень воинственно, все время спорила с отцом, строила планы. И вдруг ... Стала задумчива, грустна. И чем дальше, тем больше. Сначала все мы объясняли это переживаниями из-за разрыва. Я заканчивал в то время училище и должен был ехать к первому месту назначения, в Польшу. Перед этим заглянул домой, навестить родных. И обнаружил, а это была как раз осень тридцать девятого года, начало войны, что Анна вообще не выходит из комнаты. Она добровольно заточила себя в четырех стенах и не допускает никого, кроме горничной. Днем спит. Ночью гуляет по парку и... воет. Я сам слышал это, господин штандартенфюрер, – голос Людера дрогнул. – Это страшно, поверьте. Страшно, когда касается чужого человека, не то, что родной, любимой сестры. Я вышел ночью к пруду, у которого она бродила. Это было жуткое зрелище. Когда увидел ее – испугался. Вы помните, она была красавицей. Но теперь бродила, точно во сне, с растрепанными волосами, неопрятная. Внешность ее сильно изменилась. Никто не знал, что с ней происходит. На следующее утро к нам приехал доктор Мартин, тогда он впервые заговорил о Шарите, называя имена врачей, которые могут помочь Анне. Среди них он упомянул и фрау Ким, – Людер сделал значительную паузу. Скорцени молчал. – Хуберт не даст мне соврать. Когда он назвал ее, вот здесь, в гостиной, где мы обсуждали положение Анны, в тех самых дверях, – он указал за спину Скорцени, – раздался страшный крик. Там стояла Анна. Прервав вопль, она опрометью бросилась в сад. Я последовал за ней. Сестра сидела на траве, обхватив голову руками. Она сказала мне, взгляд у нее был совершенно осмысленный и полный невысказанной глухой боли: «Только не она, скажи им, только не она»...

– Нет, я не понимаю, – Скорцени пристукнул ладонью по поручню кресла. – Вы что, хотите убедить меня, что от одной встречи с Ким Анна сошла с ума? В самом деле? Но это смешно.

– Вы забываете, что фрау Ким одна из лучших в Европе психотерапевтов, – невозмутимо ответил Людер. – Она может вылечить, но в такой же степени способна и вызвать болезнь.

– Я сказал вам уже, капитан, что все это сущий бред, – произнес Скорцени, резко поднимаясь. – То, что Анна не хотела лечиться у Ким, это я понять могу. Но что Ким намерено нанесла ей вред – исключено. Это просто невозможно.

– Но у фрау Ким для того были основания, – возразил Людер.

– Какие? – усмехнулся Скорцени. – Если вы имеете в виду меня, я уже имел честь сообщить вам, что я думаю на этот счет.

– Не только вы. Ее сын.

– Что? Сын? Штефан? – Скорцени снова насторожился. – И что же Штефан? Какое отношение он имел к Анне?

– Я говорил, отпуск, полученный мной, длился несколько суток, – продолжил фон Блюхер. – Нужно было уезжать на Восток. Зная, что мне уже не удастся попроситься с Анной утром, так как она наверняка будет спать, я решил зайти к ней ночью. Она сидела на постели, бледная, худая, но спокойная. Почти такая же, какой я помнил ее прежде. Она попросила присесть рядом. Взяла за руку. Некоторое время молчала. Потом произнесла едва слышно: «Я попросила отца сделать так, чтобы служба этого англосаксонского ублюдка превратилась в ад. Она отомстила мне». Простите, я передаю ее слова. Конечно, она имела в виду сына фрау Ким, который был англичанином по отцу, – Блюхер взглянул на Скорцени, и тот кивнул, подтверждая. – Он как раз готовился поступить на службу в танковые войска. Конечно, такая просьба не делает Анне чести, но, насколько мне известно, отец очень любил Анну и предпринял кое-какие действия. Влияние фон Блюхеров в армейской среде велико...

– Если вам неизвестно, – жестко оборвал его Скорцени, – Штефан погиб в июле сорок третьего года. Возможно, ваш отец и старался как-то негативно повлиять на его судьбу, но в условиях военного времени, тем более на Восточном фронте, вы знаете, это не так просто. Если у Штефана и случались неприятности, то уж точно не по просьбе Анны. Он сам вполне заслуживал нагоняи, которые получал. Погиб он с честью, за что награжден «Железным крестом», и ему присвоено офицерское звание. Я не думаю, что Ким пошла бы на столь крайние меры, о которых вы говорите, чтобы избавить его от мелких армейских недоразумений. Для этого у парня хватало защитников в генеральских погонах.

– Я не знал, что он погиб, – капитан явно смутился.

– Она под села к Анне в кафе, – слышался слабый, точно приглушенный голос второго фон Блюхера. – Эта женщина. Она под села в кафе.

– Ким под села к Анне в кафе? – в голосе Скорцени слышалось явное сомнение. – Когда? Для чего?

– Наверное, потому что Анна говорила фрау Ирме, что «шенок этой потаскушки заплатит за мамочку сполна». А фрау Ирма, конечно, все передала своей новой подруге.

– Это невероятно, – Скорцени пожал плечами в явном замешательстве. – Ни о каком вступлении Штефана в армию в тридцать восьмом году еще не могло быть речи, он еще должен был закончить школу. На его будущее даже не строилось никаких планов. Как Анна могла говорить тогда о том, что ваш отец способен повлиять на его карьеру, и уж тем более, даже если она так далеко заглядывала вперед, у Ким не было никаких оснований начинать волноваться столь рано. Нет, здесь явная нестыковка. Кто рассказал вам об этой встрече? – Скорцени резко повернулся к Людеру. – Сама Анна? Может, она что-то придумала?

– Доктор Мартин в это время был в Берлине, – вяло промолвил Хуберт. – Он находился в машине, ждал Анну. Он видел и слышал их разговор.

– Ваш доктор Мартин все больше вызывает у меня недоверие, – усмехнулся Скорцени. – То он куда-то внезапно исчезает, то болтается почему-то в месте, где на самом деле

его совсем не должно быть, то у него всегда под рукой есть старый университетский приятель, который словно нарочно работает в клинике Шарите. Вы не задумывались, что он ловко играл все это время с вами, добиваясь каких-то своих целей?

– Я даже не могу себе представить, какие бы у доктора Мартина могли быть личные цели, – поморщился Людер. – И с чего он вдруг пожелал бы нанести вред нашей семье. Ему хорошо платили, с его мнением считались, его советы ценили. Анна с детства жаловалась на боли в позвоночнике – детская травма. Гувернантка недосмотрела, она упала. Со временем боли стали появляться только, когда она сильно нервничала или простужалась. В ту осень вы заставили ее понервничать, – Людер бросил на Скорцени осуждающий взгляд. – Позвоночник снова заболел, и доктор Мартин повез сестру к столичному хирургу, у которого она наблюдалась, чтобы взять рекомендации. По пути они и встретили фрау Ким. Так что доктор Мартин вовсе не выслеживал никого и не подслушивал нарочно, как вы намекали, – съязвил он. – Он просто случайно стал свидетелем. И, слава богу, иначе мы бы никогда не узнали, как все произошло.

– Я, конечно, не врач, – заметил Скорцени, – но даже мне известно, что позвоночник связан с нервной системой. Значит, в этом плане Анна с детства была не абсолютно здорова, как вы пытаетесь убедить меня. Травма у нее была, и к этому фрау Ким не имеет никакого отношения. Надеюсь, вы не станете отрицать.

– Что вы хотите этим сказать? – насторожился Людер.

– Ничего, кроме того, что у Анны с детства, оказывается, была предрасположенность к нервным заболеваниям. Об этом по вашим же словам хорошо знал доктор Мартин. Он же, безусловно, рассказал обо всем своему университетскому товарищу. Осталось только выяснить, какую выгоду они преследовали, куда девались деньги за лечение, кто их получал на самом деле. А в остальном – все ясно.

Скорцени постучал пальцами по столу.

– Вы не смеете так говорить о докторе Мартине! – неожиданно взвизгнул Хуберт, и на лице его выступили розоватые пятна. – Фрау Ким отвела Анну в Шарите, и там так напугала ее, что Анна заболела.

– Ким водила Анну в Шарите? – Скорцени, повернувшись, недоверчиво взглянул на юношу. – Это еще для чего? Я не поверю, что ей когда-либо были интересны подобные экскурсии. Уж лучше в модный салон или к мастеру маникюра.

– Это верно, – вздохнув, согласился Людер. – Психиатрия никогда не входила в сферу интересов Анны. Вообще она не интересовалась ни наукой, ни искусством. Никогда особенно и читать-то не любила, только модные журналы перелистывала. Это вы верно заметили. Но я думаю, – он многозначительно взглянул на Отто, – что не только я, мой брат, и вы, как человек, который был знаком с ней близко знаком, – понизив голос, он выделил последние слова, – изучили характер Анны. Фрау Ким тоже изучила его, и как профессионалу ей не потребовалось на это много времени. Когда она под села к сестре за столик в кафе, то уже отлично знала, с кем имеет дело.

Он помолчал, глядя в окно. Скорцени тоже молчал, ожидая, что тот скажет дальше.

– Да, Анна не любила завтракать дома, – наконец продолжил Людер. – Она любила показываться на людях. Чтобы все смотрели на нее, восхищались ею. Потому завтракала в кафе, обедала и ужинала в ресторанах. Эта открытость и погубила ее. Открытость во всех смыслах. Конечно, Анна не приглашала фрау Ким к себе, та сама предложила ей свое общество, и словно не замечала упрямую агрессивность Анны, которая никак не желала идти на контакт. Но и встать из-за стола и уйти тоже не могла, в кафе сидели несколько знакомых, и она не хотела, чтобы подумали, будто боится соперницы. Так она потом рассказывала. Фрау Ким прекрасно все понимала. Знала, что Анна не уйдет. Она попала в ловушку. И тогда Ким, не обращая внимания на нелюбезность, со всем очарованием, принялась вести беседу.

Она как паутиной опутала Анну своей начитанностью, воспитанием, разнообразием познаний, что та забыла всякую враждебность. По-простому говоря, рот раскрыла и слушала. Она заставила Анну растеряться, притупила всю ее защиту. Говорила о науке, о психоанализе, о докторе Фрейде, и так заинтриговала сестру, что та не устояла перед предложением увидеть все, о чем рассказывала ей эта зеленоглазая женщина в черном эсэсовском мундире. Бедная Анна была настолько не осведомлена в тонкостях науки, о которой шла речь, что даже не могла себе представить, а что, собственно, ей предлагается увидеть. Но кто-кто, а фрау Ким точно знала, что собирается показать молодой впечатлительной девушке.

– Вы хотите сказать, что Ким вот так вот запросто повела Анну в клинику, а где был в это время доктор Мартин? Он отпустил Анну?

– Они поехали на машине фрау Ким. Доктора Мартина же Анна попросила подождать у кафе. Она не сказала ему, куда собирается. Если бы сказала, я уверен, он сделал бы все, чтобы удержать ее.

– Значит, он остался у кафе? И Ким видела его?

– Должно быть, так. Я не знаю, в какой последовательности развивалось действие в клинике, где в этот момент находился, например, профессор де Кринис, на которого вы ссылались, где был медицинский персонал вообще, но сестра утверждала, что пока они шли, им не попался, ни один человек. Коридор точно вымер. Она говорила, что во всей клинике они были одни... Из здоровых.

– Этого не может быть, – резко покачал головой Скорцени.

– В этом я даже соглашусь с вами. Скорее всего, так. Анне просто показалось, что во всей клинике они одни. Но тем не менее – они никого не встретили. И я верю, что они никого не встретили. Учитывая то, что произошло потом.

– И что же произошло?

– Вам хорошо известно, что в такой крупной клинике, как Шарите, содержатся особо тяжелые больные, контакт с которыми может быть опасен для психики неподготовленного человека. Чтобы ухаживать за ними, надо знать специальные приемы, которым обучают медиков. А для посетителей клиники и для других пациентов вход к таким больным строго-настрого заказан, они изолированы.

– Ким показала Анне такого больного? По-моему, это полная чепуха, – в голосе Скорцени сквозило явное недоверие.

– Но, конечно, она не сразу повела ее туда. Показала свой кабинет, место, где обычно находятся дежурные медсестры, какие-то приспособления для реабилитации больных. Анна вспоминала, там были какие-то занятные шарики, и даже детские игрушки. Потом поднялись на второй этаж. По признанию Анны, она была уже готова к этому моменту забыть все обиды на фрау Ким, чуть ли не полюбить ее всем сердцем. Она полностью размягчилась и вдруг... Ким приоткрыла дверь, и Анна увидела страшное лицо – безумные взгляд, текущие по подбородку слюни, перекошенный беззубый рот. Это так поразило Анну, что она, вскрикнув, отшатнулась. Она обернулась, надеясь найти поддержку и защиту у той, к кому расположилась душой, но вместо этого увидела взгляд самой смерти, холодный, безжизненный, остановившийся, который напугал ее еще больше. Ей показалось, что перед ней живой мертвец. Испугавшись, Анна зашаталась. Ким проводила ее в ординаторскую, дала какое-то лекарство. Анна четко помнила, что пила что-то из стакана. Но ни малейших воспоминаний о том, как она вышла из клиники, как добралась до дома, у нее не осталось. Мне известно от доктора Мартина, что обеспокоившись долгим отсутствием Анны, он вернулся в наш особняк в пригороде Берлина и обнаружил Анну в спальне. Это было вечером, когда почти стемнело. Она лежала на кровати, едва дыша, в беспомощности. Прислугу, как выяснилось потом, Анна отпустила, все двери оказались заперты. Никто, кроме доктора Мартина, у которого были свои ключи, попасть туда не мог. Именно с того дня Анна забо-

лела, – Людер опустился в кресло, раскуривая потухшую трубку. – В ней поселился страх. Он стал преследовать Анну постоянно. Страх, казалось, врос в ее сознание, стал неотъемлемой частью. Он сломал ее волю, правда, и без того не сильную, он лишил ее человеческого облика, человеческого достоинства, он превратил ее из красивой, молодой женщины в то самое существо, которое она увидела в Шарите. Она сама сделалась такой. Я не знаю, какое лекарство дала Анне фрау Ким в тот день, следов его при анализах не выявлено. Имело ли это лекарство влияние на психику Анны, или все сделал только психологический удар, мне тоже неизвестно. Как бы то ни было, но именно этот визит в Шарите искалечил Анну. С тех пор из года в год ее подтачивала неизвестная болезнь, проявлением которой стал всепоглощающий патологический страх. Некоторое время врачам еще удавалось поддерживать ее состояние на дому, потом в тридцать девятом году отец написал мне в письме в Польшу, что Анну поместили в психиатрическую клинику, сначала здесь, в Мюнхене, потом направили в Шарите. Когда я вернулся с фронта и поехал к ней туда, чтобы перевезти в Швейцарию, – не узнал ее, так она изменилась, – голос Людера дрогнул. – Меня не узнала, даже не вспомнила. Вы знаете, – он вскинул на Скорцени прорезанные красными воспаленными прожилками глаза, – под Воронежем в сорок втором году я столкнулся с фрау Ким. Знал, что Анна уже находилась в Шарите и что фрау Ким причастна к несчастью нашей семьи. Был готов сказать ей, что все знаю, что я брат Анны. Но что-то удержало. До сих пор виню себя за малодушие. Да, вы правы, – он вздохнул. – Она не боялась обстрела, оперировала виртуозно, несмотря на усталость – ведь раненные поступали с фронта постоянно. Она выбирала самых тяжелых. Казалось, брала на себя всю боль, и им становилось легче. Я все это видел. Фрау Ким повернулась ко мне – я стоял недалеко от того места, где она оперировала под навесом из брезента, и попросила: «Лейтенант, будьте добры, принесите свежей воды». Это прозвучало так обыденно, так просто. И я сам удивился, с какой готовностью побежал исполнять просьбу, хотя только что намеревался обвинить ее в том, что она довела до безумия мою любимую сестру. Да, я побежал, принес ей воды. Она поблагодарила меня, слабо улыбнувшись. Зеленоватые усталые глаза, морщинки под нижними веками, темные круги, синюшный оттенок бледных, потрескавшихся от зноя губ. В ней не было ничего особенно. Но все-таки я побежал исполнять просьбу, стоило ей только раз взглянуть в мою сторону. И побежал бы еще раз, если бы она попросила. Но мы вступили в бой, и больше я никогда не встречался с ней. Но помню вот до сих пор. В тот день я подумал, что предал Анну. И понял, почему сестра так легко пошла за этой женщиной, почему неожиданно ей доверилась. Я бы тоже доверился, даже зная наперед, что мне причинят вред.

Он замолчал. Молчал Хуберт. Отто тоже молчал. Потом встал.

– Я никогда не поверю, что Ким намеренно отвела Анну в Шарите, чтобы напугать ее, – сказал он, поправляя портупею. – Я вообще очень сомневаюсь, что такой случай имел место. Из всего вашего рассказа, капитан, правдивым мне кажется только описание вашей встречи с Ким под Воронежем. Это действительно на нее похоже. Все остальное – выдумки вашего доктора Мартина. И будь я сейчас на Беркаерштрассе, занялся бы им, как следует. Похоже, он всем здорово заморочил голову. И вовремя сбежал.

– Но Анна больна, – с явным упреком произнес Людер, пристально глядя на него. – С этим не поспоришь.

– Да, – согласился Скорцени. – По вашим словам, – уточнил он. – Но даже если это и так, я уверен, что фрау Ким не имеет к этому никакого отношения. К сожалению, теперь трудно разобраться, и неизвестно, будет ли когда-либо легко, – он усмехнулся. – Но будем надеяться. Правда, знаете, капитан, нет-нет да вылезет, где ее никто не ждет. Вам же я советую все-таки разузнать у доктора Мартина, если он вдруг появится у вас, имя его университетского товарища, и при помощи соответствующих органов, когда все успокоится, проверить счета у этих так называемых профессионалов. Не перетекли ли денежки за мнимое

лечение Анны, а точнее, за то, что ее искалечили, в их личное богатство. Очень вам советую. Вполне вероятно, что, зная о детской травме Анны, они намеренно наносили ущерб ее здоровью в течение долгого времени, чтобы пополнять свой кошелек, а вы даже не замечали этого. Подумайте об этом. Вас, конечно, как офицера вермахта не ожидает никаких серьезных репрессий со стороны победившей стороны, особенно если учесть, что здесь, в Гармиш-Партенкирхене, обосновались американцы. С Советами я не был бы так уверен. А так, думаю, если вы сумеете обнаружить следы этих ловких лекарей, то вполне можете рассчитывать на администрацию оккупационных войск в привлечении их к ответственности. Я же, к сожалению, помочь вам больше ничем не могу. Думаю, мы больше не увидимся. Признаюсь, для меня прискорбно знать, что все эти годы Анна была так тяжело больна. Я желаю ей выздоровления. Хочу надеяться на это. Теперь наверняка представится возможность отправить ее на лечение в Америку. Рекомендую вам поступить именно так. Возможно, еще не все потеряно. Во всяком случае, я желаю именно этого. А теперь позвольте откланяться.

Он направился к двери. Ни один из Блюхеров не шевельнулся за его спиной. Они молча смотрели, как он уходит. В одной из дальних комнат послышался приглушенный бой часов. Залаяла собака. Они не взяли на себя труд проводить его. Да и к тому же, когда он был для Блюхеров почетным гостем? Дверь раскрылась, скрипнув, и захлопнулась за его спиной. Влажный ветер пахнул в лицо, над покрытыми лесом возвышенностями стучался лиловатый туман. Они всегда презирали его за низкое, по их мнению, происхождение. И Анна презирала, в глубине души. Но пока сила на его стороне, побаивались и использовали себе на благо. А теперь – все. Его сила кончилась. Как они думают. «И очень заблуждаются, – Скорцени усмехнулся про себя. – Как обычно. Обычно для Блюхеров».

По пути в лагерь он вспомнил, как в сорок втором году в Берлине в один из отпусков Штефана, они все вместе собрались пообедать в ресторане отеля «Кайзерхоф». Ким, как обычно, задерживалась в клинике. Алик – в Управлении. Они сидели за столом вчетвером – он, Штефан, Джилл и Ирма. Это было время, когда в ресторан пообедать съезжались представители разных служб. И, в частности, появился начальник оперативного отдела штаба ОКВ Йодль, а с ним – совершенно неожиданно старый генерал фон Блюхер, который давненько не выходил на люди. По слухам он был болен и находился в своем поместье. Теперь Скорцени хорошо представлял себе, чем была вызвана болезнь фон Блюхера. Тогда конечно же не догадывался. Действительно, в тот день генерал передвигался с трудом, опираясь на палку. И Ирма заметила, обращаясь к Отто:

– Что-то он сильно сдал.

Наверное, как понимал это Отто теперь, тот день был одним из немногих, когда здоровье генерала позволяло ему еще посещать Берлин, и наверняка, если он взял на себя труд встать с постели, сделал он это по важному делу. Возможно, хотел навестить Анну в Шарите, но ему не позволили. Отто почувствовал, что Блюхер сразу заметил его, но сделал вид, будто не видит. Однако Отто встал, приветствуя старших по званию, Штефан и Джилл последовали его примеру. Сидеть осталась только Ирма. Теперь уж делать вид было просто недопустимо, и генералу пришлось холодно кивнуть в их сторону, прежде чем сесть за стол.

– Все еще дуется, – произнесла Ирма, когда Блюхер уселся недалеко от них конечно же к ним спиной.

Теперь Отто вспомнил, что фон Блюхера сопровождал какой-то господин. Он поддерживал генерала, пододвигал ему стул. Не военный – в сером, штатском костюме. Наверное, это и был доктор Мартин. Тогда он не особенно приглядывался к нему. Господин средних лет, невысокого роста. Ничем не примечательная внешность, прилизанные светлые волосы на косой пробор, довольно пухлое, не по возрасту обрюзгшее лицо. Однако взгляд небольших серых глаз – острый, цепкий, это Отто почувствовал, когда незнакомый господин вскользь взглянул на него. Потом посмотрел еще. Этот доктор был явно обеспокоен присутствием

Скорцени, он не хотел, чтобы фон Блюхер общался с ним. Тогда, правда, Отто не придал всему этому значения. Потом появились Алик и Маренн, и он напрочь забыл о генерале фон Блюхере и его подозрительном докторе. Он даже не заметил, как они ушли.

– Раух не вернулся? – спросил он у Алика, вернувшись в лагерь.

Тот лежал в землянке на деревянном настиле, закрытом еловыми ветками, подложив под голову большую флягу со шнапсом, наполовину пустую. И только отрицательно покачал головой:

– Пока нет.

– А Ирма когда-нибудь что-то говорила тебе, будто Анна фон Блюхер угрожает Штефану? – спросил Скорцени, усаживаясь рядом.

– Анна? Штефану? – Науйокс повернул голову, в его голосе послышалась насмешка. – Когда? Я давненько ничего не слышал об этой птичке. В какой клетке она теперь заливается своим милым голоском?

– Представь себе, что в сумасшедшем доме, в Швейцарии. И находится она там последние полгода. А до этого едва ли не пять лет содержалась в Шарите, а мы даже ничего не знали. Якобы в Шарите. Признаться, я не очень верю во все это.

– Анна фон Блюхер сошла с ума? – Науйокс присвистнул, явно не веря ему. – Ну, знаешь, это просто сенсация, – он поднялся с нар, одернув мундир. – Откуда такие невероятные сведения?

– Мне рассказал старший брат Анны Людер. Я сегодня ездил к ним на виллу. По его приглашению.

– Я знаю, мне сказал гауптштурмфюрер Риц. Я даже и не вспомнил, что у фон Блюхеров здесь вилла. Еще удивился, что тебя к ним понесло? Замучила ностальгия? – он криво усмехнулся.

– Людер сам пригласил меня, прислал письмо. Я думал, может, Анне нужна какая-то помощь. Но для нее, похоже, уже ничего не сделать, – произнес Скорцени, закуривая сигарету.

– А причем здесь Штефан?

– Они утверждают, что это Ким свела с Анной счеты, потому что та угрожала в отместку за то, что я ее оставил, испортить карьеру Штефану в армии. И имела на этот счет разговор с Ирмой.

– Когда? Недавно, что ли? – фыркнул Науйокс.

– Почему недавно? Еще тогда в тридцать восьмом году. Ты же помнишь, Анна уехала из Берлина той же осенью.

– Только об Анне мне и помнить? Ну, знаешь, – Науйокс прошелся по землянке, разминая ноги. – Мало ли что говорила мне Ирма в тридцать восьмом? Она болтала все вечера подряд, – он вдруг кашлянув, замолчал. Остановился, глядя в пол. – Болтала, – повторил хрипло. – Много я на самом деле не помню. У меня в то время были дела поважнее, чем слушать Ирму. Но такую новость, как ты говоришь, что Анна фон Блюхер обещает устроить Штефану неприятности в армии, я бы точно запомнил, если она мне говорила. Нет, точно, – он повернулся, – такого разговора не было. И между Ирмой и Анной не было, наверняка. Потому что если бы он был, Ирма точно мне бы все рассказала. И потом, Штефан в тридцать восьмом году разве служил в армии? – Науйокс пожал плечами. – Маловат он еще был для этого. Он же пошел только в сорок первом. В самое пекло, как говорится.

– Вот и я говорю, – согласился Скорцени, – в тридцать восьмом сам лично устраивал его и Джилл на обучение. Что-то тут не вяжется. Но Анна в сумасшедшем доме. Это факт. С ним не поспоришь.

– Он показал тебе какие-то бумаги? Заключение врачей? Какой у нее диагноз? – спросил Науйокс. – С какой стати ты веришь ему на слово? Сам-то он, этот Людер фон Блюхер,

нормальный? Может, его самого надо отправить на экспертизу. Может, он получил ранение в голову на фронте, а теперь начались галлюцинации. Признаться, я был обеспокоен, что ты к ним отправился. Если бы ты не появился еще час или полтора, я бы взял парней и отправился к ним сам, проверить, в чем, собственно, дело.

– Я не думаю, что для него большое удовольствие встречаться со мной просто так, – заметил Скорцени. – Он и его брат Хуберт явно опечалены всем тем, что произошло с Анной, и это еще слабо сказано. И факт состоит в том, что она действительно больше никогда не появилась в Берлине. А это очень на нее не похоже.

– Анна фон Блюхер сошла с ума. Ха-ха. Никогда бы не подумал. – Науйокс с усмешкой мотнул головой. – Вот так поворот. А ведь была такая уравновешенная девица, просто крепень, хоть на спецзадание отправляй. Жаль, Ирма ничего об этом не узнает, – он вздохнул. – Ее бы позабавило такое дельце.

Он помолчал. Затем, вскинув голову, взглянул на Скорцени.

– А с чего они взяли, что это Ким упрятала ее в психушку? Зачем? И как бы она могла там находиться, что бы нам в Управлении об этом ничего не было известно? Они, правда, того, – Науйокс повертел пальцем у виска. – Сами не знают, о чем говорят.

– По их словам она находилась там под фамилией матери. Поместил ее в Шарите какой-то помощник де Криниса, фамилия которого им неизвестна, они во всем полагались на семейного доктора и его связи. А Ким... Людер утверждает, что она в прямом контакте надломилась психику Анны и спровоцировала болезнь. Отвела ее в Шарите, и так показала какого-то тяжелобольного, чтобы Анна испугалась. Ты веришь в такое?

– Ким?! – Науйокс снова присел на нары. – Которая собственными руками спасла столько людей? Которая готова спорить с Мюллером за каждого заключенного, чтобы его как можно скорее отдали Красному Кресту, еще недавно в марте и апреле. Спорить так, что даже Мюллер не выдержал, сдался, делай, что хочешь, только отстань. Ким намеренно лишила рассудка какую-то вздорную девицу, только за то, что она обещала устроить неприятности ее сыну в армии, когда он туда, может быть, пойдет. А кто тогда, в тридцать восьмом году, мог точно утверждать, что Штефан пойдет в армию? Он мог пойти по линии Риббентропа или Геббельса, остаться у нас в Управлении. Он же сам захотел вступить в армию, воевать, как его отец, этот английский художник, как его там, я уже забыл. Ким, ты, я, Ирма, чуть ли не сам Шелленберг его отговаривали, точно предчувствовали, чем закончится. Но он настоял на своем. Повторил судьбу отца. Был ранен в сражении, только тот благодаря Ким пожил еще немного, а на Штефана такой сестры милосердия не нашлось, он сгорел в танке. Но только, скажите мне, что за провидица такая эта Анна фон Блюхер, что она еще осенью тридцать восьмого года, когда еще и войны-то не было, уже знала наперед, как все будет. Да еще Ирме рассказала. Нет, не смешите меня. Все это выдумки. Весьма нездоровые. Я бы на твоём месте, – он наклонился к Скорцени, – не очень то доверял их болтовне. Ни в каком Анна не в сумасшедшем доме, просто уехала от войны в Швейцарию и живет там себе спокойненько. Зачем ей терпеть бомбежки? Будь мы сейчас на Беркаерштрассе, можно было бы проверить, кто ей выдавал документы на выезд и когда. А заодно и всех фон Блюхеров прошерстить, как у них вообще с головой. Может, у них это семейное заболевание – сумасшествие. По мужской линии. И болен как раз Людер, а ему кажется, что больна Анна. Такое я слышал, у них бывает. Вот кого надо бы показать де Кринису.

– А кем мы были для нее? – Скорцени опустил голову. – Ты думал об этом?

– Для кого? – Науйокс не понял. – Для Ким? В каком смысле? Ты еще сомневаешься? – он усмехнулся.

– Может быть, все-таки врагами? Надсмотрщиками в лагере, как этот Ваген, который издевался над ней и ее детьми?

– Мне кажется, что полфляги шнапса выпил я, а не ты, – Науйокс подошел и встал напротив. – Но голова у меня на месте? А чем тебя напоили фон Блюхеры, что у тебя мозги съехали? Кто был для нее надсмотрщиком? Ты? Вальтер Шелленберг, прошу прощения?! Профессор де Кринис? Конечно, Ким скрытная женщина, она вся в себе, ее так просто не поймешь. И у нее весьма богатое прошлое, которое тоже никуда не денешь.

Она самостоятельная, ей вроде как никто не нужен. Но уверен, что если у нее и были какие-то сомнения, какие-то остатки обиды, то это кончилось в тот день, когда погиб Штефан. Она сделала свой выбор. Я не сомневаюсь в этом. Иначе не осталась бы до конца, до самого краха. Она сбежала бы раньше, и Шелленберг помог бы ей в этом. Наверняка, он предлагал ей, и не один раз, я думаю. Но она осталась. А что касается Анны фон Блюхер, – заложив руки за спину, Науйокс прошелся по землянке. – Не думаю, что мы скоро узнаем, где правда. Не до Анны нынче. Если она в сумасшедшем доме, то это жаль, конечно. Но мало ли горя теперь? Она по крайней мере в безопасности. И у ее братьев хватит средств, чтобы содержать ее до конца. А у нас вряд ли сейчас есть время и возможность разбирать, кто кого куда водил на экскурсию в тридцать восьмом году. Боюсь, что нескоро мы свидимся и с Маренн, если вообще когда-либо свидимся, – он вздохнул, – чтобы спросить ее о этом. Но, знаешь, даже если мы и свидимся, я бы не стал ее спрашивать. Я бы расцеловал ее, с твоего разрешения, конечно, – он усмехнулся. – За все, что она сделала для Ирмы. И даже за то, что она не смогла для нее сделать. – Он помолчал. – Смерть никому еще не удалось победить, – продолжил, понизив голос, – я солдат, меня не напугаешь, но хотел бы знать, что Маренн и Джилл добрались до Парижа, и им больше ничего не угрожает. Что для них кончилась война.

– Так и есть, господин штандартенфюрер.

Скорцени и Науйокс оба повернулись на голос. Раух. Он спустился по ступеням в землянку.

– Я проводил фрау Ким и ее дочь до швейцарской границы. Они в безопасности. Для них все кончилось.

– Фриц!

Скорцени быстро поднялся и обнял адъютанта. Больше, чем адъютанта. Своего друга. Раух побледнел, оброс щетиной, осунулся. Но все же он пришел. Пришел.

– Фриц. Живой...

– И ты живой...

– Как ни странно, – невесело пошутил Науйокс. – Ну, садись.

Горьким был рассказ Рауха о последних днях обороны Берлина, и о том, что им с Маренн пришлось пережить там. Разлив остатки шнапса по железным кружкам, они молча почтили память тех, кто погиб.

– Интересно, кто помянет нас, – все так же мрачно заметил Науйокс.

– А ты уже на тот свет собрался? – спросил Скорцени. – Не рановато?

– Рановато, не рановато, а меня там ждут.

– Когда я прощался с ней, она просила меня сказать тебе, – произнес Раух, глядя Скорцени в лицо, – что любит и будет ждать. Всегда. Всю жизнь. Мне очень хотелось добраться сюда живым, чтобы передать тебе ее слова.

– Спасибо, Фриц, – Скорцени с неподдельной теплотой сжал руку адъютанта. – Я едва смел надеяться на то, что все получится. Устал?

– Очень. Но ради Маренн и Джилл я сделал бы еще не то...

– А как Джилл? – осведомился Науйокс. – Как ее голова? Надеюсь, все-таки не так серьезно?

– Ей стало лучше. И она, к большой нашей радости, смогла идти сама. Иначе пришлось бы очень туго. Маренн, конечно, волновалась, что такой переход не пройдет для Джилл бес-

следно. Что делать – другого выхода не было. Русские пришли в Шарите. Так что нам пришлось пойти на хитрости, а потом просто сбежать, воспользовавшись непогодой. Джилл вела себя молодцом. Но все время плачет о Ральфе...

– Надо думать. Я с радостью дал бы тебе отдохнуть...

– Я понимаю, Отто. Только побреюсь – и я готов.

Пока Раух приводил себя в порядок, Скорцени переговорил с Науйоком. Прежде чем приступить к осуществлению плана, надо было сделать первый, очень важный шаг. Выкупить себе свободу, принеся жертву, которая давно уже была намечена, – обергруппенфюрер СС Эрнст Кальтенбруннер. Его не предполагалось брать с собой в «голубой экспресс», который доставит их к станции новой жизни. Он будет тем, кто перед всем миром будет отвечать за деятельность СС. Для Кальтенбруннера наступило время расплаты. Вот во что ему обойдется конфликт с Шелленбергом. Его просто вычеркнули из списков тех, кто, скрывшись за его спиной, уютно расположится в ближайшем будущем на заранее обустроенных ранчо Южной Америки в ожидании лучших времен, ни в чем не зная нужды и потихоньку, конспиративно, будет продолжать свою деятельность. А Кальтенбруннера повесят. За них за всех. Так решил Вальтер Шелленберг. Он не простил Кальтенбруннеру притеснений, которые ему пришлось терпеть от шефа СД в последние годы. К тому же толку от Кальтенбруннера мало, он туповат и труслив, а потому – опасен. Он мог предать, а значит, от него надо избавляться. Такой балласт обычно сбрасывают в первую очередь с тонущего корабля. Игра, которая вот-вот должна начаться, – не для него. Он просто запутается в ней и запутает всех остальных. Скорцени не сомневался, что единственная цель Кальтенбруннера состояла в том, чтобы украсть припрятанные в горах сокровища и документы и за них выкупить свободу, почтительность и комфорт, предав всех остальных. Этого нельзя допустить. Итак, решение было принято давно. Теперь надо его исполнять. Науйок отправится к Кальтенбруннеру и позаботится о том, чтобы американцы вовремя обнаружили его. Тем более что сдаваться в плен вдвоем им нельзя. Два высокопоставленных офицера Шестого Управления – это вызовет подозрения. Надо действовать поодиночке. Так вернее. Каждый рассчитывает на себя. Надо прорваться, а там... Там встретимся.

Связавшись с агентами союзнических спецслужб, вошедшими в руководство местных групп Сопротивления, которым было поручено выслеживать укрывшихся в высокогорных логовах эсэсовских главарей, штандартенфюрер СС Альфред Науйок раскрыл им местонахождение обергруппенфюрера СС Эрнста Кальтенбруннера. На рассвете 12 мая 1945 года «охотничья хижина» шефа РСХА была окружена, и он без выстрелов вместе с охраной сложил оружие. «Молодец, Алик», – мысленно похвалил себя Науйок, которому признательность союзников открывала неплохие перспективы в будущем. Практически, оно было обеспечено.

Теперь – Раух. Ему отводилась одна из главных ролей в разыгрываемом действе. Адъютанту предстояло остаться стражем нацистских богатств, спрятанных на дне озера Топлицее и в других альпийских тайниках. Ему не нужно сдаваться американцам и получать индульгенций. Необходимо было просто исчезнуть, сгинуть с глаз долой, отсидеться. А когда обстановка более или менее нормализуется – выйти из укрытия, сменив эсэсовский мундир на штатский костюм, черную фуражку с высокой тульей на безобидную тирольскую шапочку с кисточкой. И под новым именем, по новым документам, изменив до неузнаваемости внешность, как ни в чем ни бывало поселиться в фешенебельном квартале Граца, столице земли Штирии, на территории которой расположен район Зальцкаммергута и озеро Топлицее. Его задача состояла в том, чтобы вести размеренную благопристойную жизнь в соответствии со своим новым занятием – по документам он будет учителем в местной гимназии, – и тайно хранить богатство рейха от любопытных глаз. А тем более, от глаз и рук тех,

кто в ближайшем будущем ринется по следам исчезнувших золотых запасов гитлеровской Германии и важнейших документов СД, хранить до тех пор, пока они не потребуются вновь.

Ну, вот и все. Простившись с Раухом и Науйоком, Скорцени и те, кто еще оставался с ним, сдались в плен. На первом же допросе бывший обер-диверстант фюрера потребовал немедленно доставить его к высокопоставленному офицеру американской военной разведки. Тогда же он предложил свои услуги для тайной войны против коммунизма, и не теряя времени изложил общий план заранее продуманных диверсионных операций. Его показания, записанные на киноленту, затребовал сам Дуайт Эйзенхауэр.

Париж ликовал, празднуя победу. В такой великий и радостный день прибыла она в столицу своей юности, на вокзал, с которого десять лет назад поезд увез ее в Берлин. В ее памяти сохранился еще один, такой же светлый и незабываемый для каждого француза День Победы – День Победы в Первой мировой войне.

Так же как и тогда, сейчас она была чужой на этом празднике. Но все-таки вместе с Джилл, сойдя с поезда, доставившего ее из Берна, она направилась на Елисейские Поля. Память звала ее. И она не могла противиться.

Здесь, на Елисейских полях, двадцать пять лет назад израненный, изуродованный осколками английский лейтенант на глазах всех победивших наций бросил на землю перед восседавшим на белом коне маршалом свои награды, полученные за Марну и Верден. И вот четверть века спустя у Триумфальной Арки – генерал де Голль, члены правительства Национального Совета Сопротивления, генералы, префекты, командиры маки, летчики эскадрильи «Нормандия – Неман»...

Победившая Франция... Тогда, в восемнадцатом году, она сама, воспитанница маршала Фоша, олицетворяла собой эти слова. В ореоле славы ее запечатлел на портрете великий Серт.

Теперь... Необычайно широкий проспект, обрамленный по обеим сторонам бульварами, заполнили десятки тысяч людей. На балконах, в окнах, на крышах – всюду люди. Шум, приветственные крики, пение «Марсельезы», гром оркестров создают звуковой фон. Генерал де Голль пешком, в окружении ближайших соратников, идет к площади Согласия, а оттуда – к собору Парижской Богоматери.

Под Триумфальной аркой весело вспыхивает пламя, над ним колышется на ветру огромный национальный флаг. Когда-то она была знакома с солдатом, который лежит теперь под этими плитами. Это капрал, один из тех французов, которые поддержали Генри в подготовленном им восстании. Его все считают Неизвестным, но она-то помнит, как его звали. Стефан, как ее собственного сына, который тоже погиб, но уже на другой войне.

Сияющий проспект, по которому шла победоносная армия двадцать пять лет назад, памятник Клемансо. Каштаны на Елисейских полях, о которых мечтал герой ее юности, плененный австрийцами Орленок, сын Наполеона Бонапарта, в пьесе Эдмона Ростана.

Тюильри, свидетель величия страны при двух императорах, площадь Согласия и площадь Карусель, где разливался во всю ширь поток революционных бурь и проходили смотры победоносных полков. Улицы, мосты, которым выигранные битвы давали имена. На другом берегу Сены – Дворец Инвалидов, сверкающий купол которого напоминает о великолепии короля-солнца. Гробницы Тюренна, Наполеона, Фоша. Институт Франции, через который прошло столько блистательных умов, Лувр, пропустивший длинную вереницу королей, создававших Францию. На постаментах статуи Жанны д'Арк и Генриха Четвертого... Дворец Людовика Святого и собор Парижской Богоматери, где молится Париж... Остров Ситэ – колыбель великого города... Париж... Ее Париж... Город детства, юности, всей жизни...

У Египетской колонны, вознесшейся над площадью Конкорд, шествие остановилось. Победители, герои подошли к народу. Громогласный приветственный крик толпы огласил французскую столицу.

Маренн уже пожалела, что пришла сюда, тем более, привела Джилл. Девушка отсутствующим взглядом взирала на происходящее вокруг. Казалось, она забыла Париж. Он стал ей совершенно чужим. Она очень устала. Своим, родным было лишь то, что связывало ее с Ральфом. В отличие от Маренн и она вдруг ощутила, как тревога закралась в сердце. Как же будет жить Джилл дальше. Сможет ли она побороть себя, привыкнуть к мысли, что все, что прежде было дорого ей, осталось позади, под обломками рейха. Это уже никогда не вернется. Но надо жить, как бы ни становилось трудно. Да, лучше бы сразу отправиться домой.

– Как ты себя чувствуешь? – наклонившись, спросила она дочь по-французски.

Джилл вскинула голову, недоуменно взглянув на мать. И Маренн вдруг осознала, что Джилл ее... не поняла. Точнее, она не сразу поняла, что она сказала ей, на каком языке. Она привыкла, что они говорят по-немецки, что вся жизнь идет на немецком, вся она немецкая, и только на службе ей иногда приходится вспоминать французский, и то редко, а так все больше английский. А теперь... «Что же, теперь мы будем говорить по-французски?» – молча вопрошал ее взгляд поблекших глаз Джилл. У Маренн сжалось сердце.

– Джилл, ты слышишь меня? – настойчиво повторила она. – Как ты себя чувствуешь?

– Ничего... Нормально... – ответила девушка, сделав между двумя словами значительную паузу, как будто вспоминая.

Нет, она не забыла французский, Маренн не могла бы поверить в это, просто ей совсем не хочется говорить на нем. И она должна была признаться себе – ей самой тоже.

Снова слышались звуки «Марсельезы», толпа ринулась вперед. Маренн испугалась, что их раздавят и крепко сжала руку Джилл.

– Мама, поедem домой, – попросила та снова по-немецки. И голос ее прозвучал как-то глухо, точно чужой.

Ответить Маренн не успела. Ее окликнули. Совсем близко.

– Мари!

Она узнала голос, но не могла поверить сразу. И потому не повернулась.

– Мари!

Да, это был он. Как высмотрел ее среди массы народа, собравшейся на Елисейских Полях. Анри де Трай. Он шагал среди тех, кто сопровождал де Голля, и надо же, нашел ее, разглядел среди сотен других людей. Как будто почувствовал.

Конечно, она сразу узнала его. Да он почти и не изменился за прошедшие годы. Разве что возмужал, стал еще привлекательнее. И загорел, словно только вчера вернулся из африканской пустыни, как тогда, много лет назад. Де Трай был в парадной летной форме, на плечах поблескивают новенькие полковничьи погоны. К наградам, полученным в Первую мировую войну, добавились новые. Еще один Почетный Легион и несколько орденов с советской символикой. Она знала, что де Трай воевал на стороне русских.

Он был героем, как всегда. Когда он направился к ней, толпа расступилась, пропуская его, и аплодировала. Все те же темные волосы под фуражкой, едва тронутые сединой на висках, на загорелом лице – темные глаза. Те самые, фамильные, де траевские, словно «подернутые дымкой солнечного предгрозя», воспетые Стендалем и Бальзаком – доставшиеся в наследство от предка, легендарного генерала конницы Мюрата. Бросив взгляд на Джилл, Маренн заметила, что та опустила голову. Подернутые сединой волосы скатились волной, закрывая лицо. Да, надо было уйти. Но теперь уже поздно.

– Мари, – де Трай крепко сжал ее руку. – Какой сегодня чудесный день! Победа и ты... Ты с нами. Пойдем к де Голлю...

– Нет, не сейчас, – она выдернула руку. – Не сейчас, Анри. Потом, как-нибудь.

Он смотрит на нее с явным недоумением.

– Но откуда ты? Где ты была все это время? Я ничего не слышал о тебе.

– Мы были в лагере, – отвечает она сдавленно, не глядя ему в лицо. – Нас освободили в апреле американцы. Это очень долгая история. Прости. Мне надо домой. Скорей. Моя дочь, Джилл, больна. Ей необходим отдых...

– Да, конечно, – он понимающе кивает, – я сам отвезу вас в Версаль, сейчас не так-то просто достать транспорт. О, а это кто? – взглянув вниз, он видит овчарку, которую она держит на поводке. – То же из лагеря?

– Да, – у нее вздрогнуло сердце, она совсем забыла про Айстофеля. – Увязался за нами, хозяин бросил, наверное. Я его взяла. Он же собака, он ни в чем не виноват.

– Ну да, конечно, – де Трай был явно озадачен.

Помявшись в нерешительности, все-таки спросил:

– А где Стефан?

Спросил, не поднимая глаз, словно предчувствуя ответ. Рука Джилл напряглась и задрожала в ее руке.

– Стефан умер... – ответила она стараясь говорить как можно спокойнее, а получилось даже равнодушно. – Он погиб в лагере.

– Прости, я не знал, ну, поехали, поехали, – он тянет ее за собой сквозь толпу.

Открытый белый автомобиль мчит их в Версаль.

– Женестьева, открывайте! Смотрите, кого я вам привез! – весело кричит де Трай у ворот ее старого дома, а она едва сдерживает слезы. Она уже и не мечтала о том, чтобы вернуться сюда живой. И никогда не могла предположить, что вернется... без Штефана. Только с Джилл.

Пожилая домоправительница поспешно спускается с крыльца.

– Ваше высочество! Мадемуазель Жиль!

Она охает, причитает, распахивая ворота, автомобиль въезжает во внутренний двор.

– Пожалуйста, Женестьева, – просит Маренн, выходя из машины, – проводите Джилл в ее комнаты. Она очень устала, ей нужен отдых.

– Извини, мне надо побыть с дочерью, – говорит она де Траю, сейчас ей хочется избавиться от него.

– Я понимаю, – кивает он. – Мне тоже нужно вернуться в Париж. Я должен быть с де Голлем. Но вечером, если ты не возражаешь, я навещу тебя, – в его голосе она улавливает робость, боязнь отказа. – Мы так давно не виделись, Мари. Кроме того, надо поговорить о твоём наследстве...

– О наследстве? – Маренн вздрогнула. – А что с ним?

– Маршал Фош... Он на самом деле все оставил за тобой. Тогда в тридцать третьем... – он нахмурился, – ты не успела.

– Я помню. Спасибо, Анри, – она опустила голову, чтобы глаза, не дай бог, не выдали, что ей все известно о наследстве. – Наследство сейчас – это не самое важное. Самое важное сейчас – здоровье Джилл.

– Я понимаю.

– Конечно, приезжай. Приезжай вечером.

Он с нежностью поцеловал ее руку, сел в машину. Придерживая Айстофеля, она помачала ему рукой. И повернувшись, направилась по аллее к дому. Поднялась по старым мраморным ступеням, вошла в украшенную золоченой резьбой дверь. И память снова потянула ее за собой, назад, назад, в то время, которое еще совсем недавно было явью, а теперь удалялось со все нарастающей быстротой. Она уже приезжала сюда, осенью сорок третьего года. Через несколько месяцев после гибели Штефана. Приезжала под чужим именем, вместе с Отто. И показала дом, где родилась, где прошло ее детство.

В ноябре 1943 года Скорцени прибыл в Париж по приказанию Кальтенбруннера. Тайно, без предупреждения, под именем доктора Вольфа. К осени обстановка во Франции накалилась. Резко возросла активность маки, французских партизан. В высших кругах правительства Виши не было единства. В середине ноября 1943 года произошло то, что немцы называли «разводом Петэна с Лавалем». Предполагалось, что движение Соппротивления попытается похитить Петэна, что могло произвести серьезное дестабилизирующее воздействие на французское общество. Некоторые информаторы из непосредственного окружения главы государства сообщали, что Петэн имел намерение покинуть правительство и Виши, что совсем не входило в планы немцев. Операция по так называемой «охране» Петэна получила название «Лисья нора».

Наделенный неограниченными полномочиями, Скорцени прибыл в Париж со специальной командой. Он получил задание обеспечить прикрытие Виши и мог принимать любые необходимые меры с единственным условием – информировать о них командующего вооруженными силами на Западе фон Рундштедта. Перед самым его прибытием, согласно указаниям Берлина, силами местной полиции и СС уже было проведено тщательное прочесывание окрестностей Виши, все сомнительные лица либо высланы, либо арестованы. Вокруг города возник защитный пояс. Специальные посты, установленные на дорогах, позволяли контролировать въезд и выезд.

Прибыв к месту назначения, Скорцени ознакомился с мероприятиями, проведенными в рамках операции «Лисья нора», и в целом их одобрил. Он внес лишь некоторые дополнения, касающиеся прикрытия аэродрома Виши, на случай, если Петэна попытаются похитить с воздуха. Затем, встретившись в Париже с уполномоченным Шестого Управления СД во Франции, оберштурмбаннфюрером СС Кнохеном, он приступил к обсуждению вопросов, которые были поручены ему Шелленбергом.

В Париж Скорцени прибыл вместе с Маренн. Она сопровождала его официально, по «легенде» в качестве супруги, госпожи Вольф, а неофициально должна была исполнять функции переводчика. Конечно, никакой необходимости тащить с собой переводчика из Берлина не было, их вполне хватало при штабе Кнохена. Но таково было приказание Кальтенбруннера. Точнее, подписывая приказ о проведении операции «Лисья нора», Кальтенбруннер внес в список исполнителей не саму Маренн, а ее дочь, сотрудницу Бюро переводов, штурмфюрера СС Джилл Колер, сделал это, несмотря на возражение Шелленберга, который как раз указывал, что переводчика можно взять на месте. Собственно, потому и сделал, чтобы показать шефу Шестого Управления, этому «умнику с университетским дипломом», как он выражался, его место.

В ноябре исполнилось три месяца, как под Белгородом погиб Штефан. Маренн знала, что передвижения по дорогам Франции стали небезопасны для немцев. Маки активизировались, и все чаще совершают нападения. Она была категорически против того, чтобы Джилл подвергалась опасности. К тому же девушка тяжело переживала гибель брата, постоянно наблюдалась в клинике у де Криниса, ее нельзя было отпускать из Берлина.

И прежде, зная, как Маренн заботится о здоровье Джилл, Шелленберг редко брал ее с собой в поездки в качестве переводчика, обходился без нее, так как прекрасно владел несколькими языками. Теперь же об участии Джилл в операции не могло быть и речи. Маренн протестовала, Шелленберг поддержал ее.

Но кто заменит Джилл? Кальтенбруннер язвительно предложил Маренн самой отправиться в Париж вместо дочери. Он прекрасно знал всю ее историю, она открылась ему, как только он занял кресло Гейдриха во главе аппарата СД. Потому он не мог не отдавать себе отчета, что поездка в Париж крайне рискованна для Маренн – ее могли там узнать.

Маренн и сама понимала это. Джилл – это одно дело. Она жила в Париже ребенком. Теперь она выросла, изменилась. Маренн узнают наверняка. Тем более что намечалась

встреча с самим маршалом Петэнном, ближайшим другом Фоша. Ему ли не вспомнить воспитанницу маршала.

Но отступать поздно. Отпустить Джилл под пули Маренн не могла, потому заменила дочь собой. Пусть даже рискуя быть узнанной. И она согласилась, несмотря на возражения Шелленберга, несмотря на то, что сам Скорцени долго отказывался ее брать с собой. Ведь он прекрасно понимал, что кроме всего прочего, визит Маренн в Париж, город ее детства, захваченный теперь немцами, причинил бы ей душевную боль.

Никогда с того самого момента, как она надела немецкий мундир, Маренн не приезжала в Париж. Она намеренно избегала этих поездок, особенно с июня сорокового года, когда Франция была оккупирована немцами. Никогда не посещала госпиталей, расположенных во Франции, не встречалась с врачами, работавшими там. Она словно решила, что этой дороги больше не существует для нее.

Но теперь предстояло пережить это испытание. Несмотря на все влияние, которое Скорцени имел на Кальтенбруннера, тот не уступил. Он предложил Скорцени самому выбрать, кого он возьмет с собой – жену или приемную дочь. Скорцени понимал, что приезд в Париж может стать для Маренн самоубийственным. Будет поставлен крест не только на ее прошлом, но и на будущем. А после Сталинградского поражения и разгрома под Курском вопрос о будущем каждого из них отнюдь не казался праздным. Возможно, в случае поражения, Маренн придется вернуться во Францию, другого выхода не будет. Однако никакие доводы Кальтенбруннера не убедили. Он не изменил приказ. И Скорцени пришлось подчиниться. Между Маренн и Джилл он выбрал все-таки Маренн. Да, собственно, Маренн и не оставила ему никакого выбора. Она готова рисковать собой, лишь бы Джилл оставалась в безопасности. И скрепя сердце, Скорцени вынужден был согласиться.

Маренн договорилась с де Кринисом, чтобы он заменил ее в клинике на время отсутствия. Всегда, когда дело касалось ее детей, Маренн принимала решение не раздумывая. Не раздумывая, жертвовала собой.

Париж... Город ее детства слишком хорошо знал ее и, конечно, помнил. Она сопровождала Скорцени в гражданской одежде, под чужим именем. Но лицо... Лицо Марианны Первой мировой с портрета Серта – его не заменишь, его не так-то просто скрыть. Как ни странно, ее популярность во Франции до сих пор оставалась велика. Гельмут Кнохен с удивлением рассказывал, что из допросов маки, захваченных гестапо, до него доходили невероятные легенды о том, что Мари Бонапарт, воспитанница маршала Фоша, сражается в отрядах Сопротивления, что ее видели под Лионом, а кто-то даже разговаривал с ней в Нормандии. Другие утверждали, что она находится в Англии с де Голлем, и они читали подписанное ей воззвание к французскому народу. Даже покинув родину навсегда, Марианна Первой мировой была любима французами, она вдохновляла их на сопротивление. Она понимала, насколько сильным оказалось бы потрясение, если бы ее узнали в Париже, причислив к пособникам немцев.

Скорцени строго-настрога запретил Маренн выходить из машины на улицах, появляться без сопровождения в общественных местах, и приказал постоянно носить темные очки, снимая их только в присутствии немцев и сочувствующих режиму французов. Он был уверен, что к их числу не принадлежал никто, с кем раньше близко общалась жена. Однако Маренн знала, что это не так. Ведь главным сочувствующим режиму французом был не кто иной, как Петэн, близкий друг маршала Фоша.

Престарелый маршал Петэн, герой обороны Вердена, военный министр Франции, сдал Париж немцам в сороковом году и считался главой коллаборационистского правительства Виши. Он принимал Скорцени и сопровождавших его высших руководителей полиции и СС на территории Франции в отеле «Парк». Как ни готовила себя Маренн к этой встрече, но увидев Петэна, знакомого ей с детских лет, остолбенела. В одно мгновение нахлынула

лавина воспоминаний. Ей показалось, что она вновь увидела их молодыми, Петэна и Фоша, когда они сидели, покуривая сигары у камина в Версальском доме задолго до Первой мировой войны. Она увидела себя, смешную, маленькую, в длинном розовом платье с оборками, которое путалось в ногах и страшно раздражало ее. Как она подбежала и чуть не упала, споткнувшись. И сильными, молодыми руками Петэн подхватил ее и усадил к себе на колени...

Он был лучшим другом ее отца. Тогда, в восемнадцатом году, тоже просил, умолял ее не уезжать. И оказался последним, кто видел ее перед отъездом. Это он прислал ей в Америку телеграмму, в которой сообщал о смерти Первого маршала. И так и не узнал, получила ли она его сообщение и как сложилась ее жизнь дальше. Сколько лет прошло...

Маренн с трудом совладала с чувствами. Когда, здороваясь, она протянула Петэну руку.

– Моя супруга, фрау Вольф, – представил ее Скорцени.

Петэн наклонился и галантно поцеловал ее руку. Затем сказал, внимательно глядя в глаза.

– Вы очень красивы, мадам. Вы так похожи на одну женщину, которую я знал в молодости, дочь моего друга. Признаться, я очень разволновался, увидев вас.

Маренн вздрогнула.

– Благодарю вас, месье, – поборов волнение, произнесла она. И снова усилием воли заставила себя улыбнуться.

– Моя супруга поможет нам во время беседы, – пояснил Скорцени, со скрытой тревогой наблюдая за ними.

– Да, конечно. Прошу вас, доктор Вольф. Прошу, мадам. Прошу, господи, – Петэн жестом пригласил их к столу.

Во время переговоров Маренн неоднократно ловила на себе удивленные взгляды маршала. В них сквозило недоверие, сомнение, даже смятение. Конечно, он узнавал ее голос, ее манеры...

Мелькнула мысль, что он догадывается, кто она. Наверное, так оно и было.

За обедом Петэн снова сказал ей:

– Я потрясен, мадам Вольф, как вы похожи на дочь моего друга. Вы говорите по-французски без всякого акцента, как на родном языке. Даже интонация, и та знакома мне.

– А что стало с этой женщиной? Она в Париже? – спросила Маренн, стараясь говорить тоном равнодушного любопытства.

– Я ничего не знаю о ее судьбе, – с грустью произнес он. – Она покинула Францию в 1918 году, рассталась с отцом. С тех пор я ничего не слышал о ней. Знаю лишь, что она появлялась в Париже в начале тридцатых, но нам не удалось тогда встретиться. А жаль. Я хотел сказать, что отец простил ее и признал ее сына. Умирая, оставил ей все права наследства, несмотря на то, что она отказалась от всего, что ей завещали родители. Ведь он был неродным отцом, опекуном. Он просил простить его и вернуться домой. Я находился у его постели до последнего мгновения. Когда он умер, я дал ей телеграмму, потом написал. Но она не приехала на его похороны.

Маренн не отрывала взгляд от тарелки, боясь, что Петэн слишком много прочтет в ее взгляде.

– Как он умер? – тихо, почти шепотом спросила она. – Он болел?

– Можно сказать, что болел, – ответил Петэн, и в его голосе она снова уловила нотки удивления. – Он болел тоской. И умер от тоски. Он не мог пережить ее отъезда.

Маренн подняла голову. Собрав всю волю, она старалась казаться спокойной. Бурю чувств, выдавала лишь мраморная бледность лица. Она посмотрела на Петэна. Старый, седой, совсем старик. Таким был бы Фош, доживи он до этих лет. Действительно, давно она не была в Париже. С той печальной ночи в начале тридцатых годов, когда разорвала помолвку с де Траем. Что было, если бы Фош дожил до этих дней? Допустил бы он паде-

ние Парижа, который защищал столь рьяно в восемнадцатом, ради которого он не пощадил Генри, не пощадил ее, не пощадил себя. Стоило ли приносить все эти жертвы, чтобы через двадцать с лишним лет немцы без боя взяли город. И кто сдал его? Петэн! Герой Первой мировой войны, друг, соратник Фоша! Как теперь он подойдет к его могиле? А она?

– Как же вы могли? – неожиданно для себя произнесла она с гневом и болью в голосе. – Как вы могли, вы, маршал Франции...

Брови Петэна удивленно поползли вверх. Глаза расширились. Он побледнел. Присутствующие за столом обернулись. Разговор стих. Скорцени предупреждающе сжал ее локоть. Маренн опомнилась.

– Извините, – смущенно произнесла она, покраснев. – Я несколько устала. У меня болит голова. Извините.

Вконец расстроенная, она повернулась к Скорцени.

– Можно я уйду, – попросила она. – Я плохо чувствую себя...

И не дожидаясь согласия, встала и, еще раз извинившись, вышла из зала. Петэн проводил ее долгим, пристальным взглядом. Потом внимательно посмотрел на Скорцени, но ничего не сказал. Скорцени, наклонившись к Кнохену, попросил его выделить сопровождение фрау Вольф, если она пожелает выйти на улицу, и дать ей машину.

Вскоре адъютант Кнохена, вернувшись, доложил Скорцени, что фрау Вольф в отеле нет, она куда-то ушла. Одна.

Услышав это, Скорцени не на шутку разволновался. По его просьбе Гельмут Кнохен лично поехал разыскивать Маренн.

Когда обед закончился, Петэн подошел к Скорцени и, взяв его под руку, отвел в сторону.

– Я ничего не знаю, – сказал он по-немецки, – лишь могу догадываться. Я ни о чем вас не спрошу. Но если мои догадки верны, но постарайтесь сделать так, чтобы имя ее осталось чистым... У такой женщины не может быть двойников. Прошу вас, ради памяти ее отца. Я хочу, чтобы встретившись с ним там, на небесах, – Петэн поднял голову вверх, – мог бы спокойно сказать ему, что она жива и ни в чем не виновата. Как ее сын?

– Недавно погиб, – коротко ответил Скорцени и пожал руку маршала. – Благодарю вас.

– Вы обещаете мне?

– Обещаю.

Опустившись на колени на мраморную ступень, ведущую к огромной гранитной вазе, венчающей гробницу, Маренн низко склонила голову перед могилой маршала Фоша в Доме инвалидов. Она впервые пришла сюда одна. Раньше в тридцатые годы приводила сюда маленьких Штефана и Джилл. Но лишь теперь ей представилась возможность побыть с отцом один на один. И, встав на колени, она плакала, прося прощения и поддержки. Дом инвалидов был их семейным склепом. Здесь погребен ее двоюродный прадед, великий Наполеон Бонапарт, двоюродный дед, его сын, кузен Франца-Иосифа, герцог Рейнштадский, и приемный отец, спаситель Франции маршал Фердинанд Фош. Переходя от могилы к могиле, она отдавала дань памяти каждому, опуская на мрамор по белой розе. Затем спустившись по лестнице, вышла во внутренний двор, к музею Французской армии и Военной школе, основанной Наполеоном, бывшей артиллерийской школе, которую когда-то закончил он сам, где в начале века преподавал генерал Фош и учился Шарль де Голль.

Мягко шурша шинами по брусчатке, невдалеке проехала машина и остановилась. Кто-то окликнул ее:

– Фрау Вольф!

Маренн обернулась. Кто это? Что нужно? Предавшись воспоминаниям, она совсем потеряла чувство реальности. Конечно же это за ней. Гельмут Кнохен, высокий, стройный

голубоглазый шатен с усталым и несколько надменным лицом, вышел из машины и подошел к ней.

– Мы ищем вас. Доктор Вольф приказал привезти вас в отель. Он волнуется. Вы так неожиданно ушли, – объяснил он.

– Я понимаю, Гельмут. Извините, – улыбнулась она. – Но у меня очень разболелась голова, и я решила немного пройтись.

– Сейчас небезопасно гулять по Парижу, – заметил он. – Обстановка беспокойная.

– Еще раз извините за хлопоты...

Он предложил ей руку.

– Прошу в машину.

– Благодарю.

Обернувшись, она окинула взглядом величественный купол Дома инвалидов. «Я все наказана, за все, ты видишь сам, – мысленно обратилась она к Фошу. – Штефан погиб. Прости меня».

Затем, последовав за Кнохеном, села в машину.

Скорцени встретил ее в вестибюле отеля. Поблагодарил Кнохена и молча проводил до номера.

Когда они вошли, она произнесла, даже не спрашивая, а скорее утверждая.

– Он узнал меня.

Скорцени кивнул.

– Должно быть, узнал. Но никому ничего не скажет. Ради памяти твоего отца. Он обещал мне. Я тоже обещал ему, что с тобой ничего не случится.

– Спасибо, – грустно улыбнулась Маренн.

– Нам надо возвращаться, – сказал он, взяв ее за руку. – Наша миссия выполнена. Мы можем ехать в Берлин.

– Нет, не сейчас, – проговорила она быстро, не глядя на него, и выдернула руку. – Я должна посетить еще одно место.

Потом вскинула голову и с вызовом посмотрела.

– Я должна сделать это одна. Только одна. Понимаешь?

– Нет, не понимаю, – явно рассердившись, он сел в кресло, закурил сигарету. – Не понимаю. Тебе нельзя одной показываться на улицах. Тебя узнал Петэн, узнает еще кто-нибудь. Я не могу тебя отпустить.

– Ты не можешь мне запретить, – твердо сказала она.

– Что это за место, куда ты хочешь обязательно сходить? – недовольно поинтересовался Скорцени.

– Могила моего мужа, лейтенанта Генри Мэгона, – спокойно ответила она. – Погиб Штефан. Я должна сходить туда. Надеюсь, ты понимаешь, что тебе не обязательно меня сопровождать. Я только попрошу дать мне машину, если можно...

Опустив глаза, он молча курил, наблюдая, как накапливается пепел на конце сигареты. Скулы его заострились.

– Ты дашь машину? – еще раз настойчиво спросила она.

– Да.

Затем, поднявшись, бросил недокуренную сигарету в пепельницу и вышел из номера.

На старинном парижском кладбище Маренн положила букет цветов на небольшую могилку у самой ограды, заброшенную, поросшую травой. За прошедшие годы надпись на мраморной табличке почти стерлась, она с трудом различала буквы. Старые каштаны шелестели над ее головой осенней листвой.

– Здравствуй, это я, Мари, – прошептала она, опускаясь на колени. – Вот и пришла. Прости, что долго не была у тебя.

Слезы выступили на глазах, она проглотила слюну. Ей вспомнилось, как хоронила его здесь. Совсем одна, только Штефан был с ней, шевелился под сердцем. До его появления оставались считанные недели.

– Я принесла тебе горькую весть, – проговорила она сдавленным от подступивших к горлу рыданий голосом. – Пришла сказать, что не уберегла самое дорогое, что осталось памятью о тебе, – нашего сына. Он погиб, – слезы покатались по лицу. Она достала платок, закрыла им глаза. Мгновение помолчала. Потом опустив платок, провела рукой по пожелтевшей осенней траве, покрывавшей могилу.

– Уже четверть века ты спишь здесь. Ты не знаешь, что снова идет война, намного страшнее той, первой, на которой сражался ты. Ты никогда не видел, каким родился наш сын. Каким вырос. Он во всем хотел стать таким, как ты. Он хорошо рисовал и мечтал стать художником, как ты. И стал бы, я уверена. Если бы не погиб. Он хотел быть солдатом, как ты, и я не смогла его убедить остаться со мной. Как когда-то не смогла убедить тебя не ввязываться в восстание, остаться в стороне, переждать. Вы оба были упрямыми. Теперь ты встретишь его там, на небесах. А я... Я останусь здесь, опять одна...

Она залилась слезами, опустив голову. За спиной неожиданно хрустнула ветка. Маренн испуганно обернулась. В тени старого раскидистого каштана она увидела Скорцени. Он стоял, прислонившись плечом к толстому многолетнему стволу дерева, и задумчиво смотрел на нее. В сгущающихся сумерках блеснули его яркие, синие глаза. Она быстро поднялась и подошла к нему.

– Что ты тут делаешь? – спросила гневно. – Я же сказала – хочу побыть здесь одна. Только одна...

Он молчал. С какой-то странной грустью рассматривал залитое слезами лицо. И будто не слышал слов.

– Поехали в отель, – решила она. – Здесь мне больше делать нечего. Ты слышишь?

– Да, конечно, – ответил он.

В молчании они вышли с кладбища. Машина, на которой приехала Маренн, уже уехала обратно. Скорцени отослал ее. Открыв дверцу, он посадил жену в свой автомобиль, и сам сел за руль. До отеля доехали быстро. На протяжении всего пути оба ни проронили ни слова. Когда поднялись в номер, она снова с обидой в голосе спросила его:

– Зачем ты приехал на кладбище? Со мной бы ничего не случилось. Пойми, это мое личное.

– Я это понял, – неожиданно согласился он. – Я это понял давно. Знаешь, Маренн, – он подошел к ней и продолжил, глядя в лицо: – В последнее время я часто думал, почему мы не можем быть вместе. Почему наша жизнь с тобой не складывается так, как хочу я, например, несмотря на все мои старания. Сначала думал, что ты не можешь забыть обиду, тебе внушает отвращение мой мундир, ведь такой же носили Ваген и другие охранники в лагере. Но потом я убедился, ты умна, ты судишь о людях не по мундиру, а по их способностям, по сердцу. Потом я думал, что ты просто не любишь меня. Потому что любишь другого. Вальтера. Но потом я понял, что и это неверно. Ты никого не любишь – ни меня, ни Шелленберга. Просто ты вынуждена поступать так, как поступала ради детей. Исключительно ради них. Бесплезно ревновать тебя к Шелленбергу, в твоей душе властвует вовсе не он, там одни призраки. А с ними бороться бесполезно. Ты спрашиваешь, зачем я приехал? Прости. Я приехал, чтобы окончательно все прояснить для себя. Чтобы взглянуть на могилу человека, который для тебя важнее нас всех, который до сих пор занимает твое сердце. Ты до сих пор любишь этого английского лейтенанта, отца Штефана. А для меня, да и для всех прочих, душа твоя закрыта. А мне нужна она, Маренн. Твое тело прекрасно, но мне этого мало. Мне нужна твоя душа. Я хочу, чтобы ты любила меня сердцем, и понимаю, что это невозможно. С прошлым спорить нельзя. Оно не умирает и не отпускает от себя. Не

бойся сказать, что ты меня не любишь. Я не собираюсь мстить. Это внесет наконец ясность. Я просто уйду из твоей жизни. И больше не стану тебе докучать. Ты станешь абсолютно свободна. Впрочем, ты и сейчас свободна. Даже, если не хочешь произносить этих слов, я понимаю, что все обстоит именно так.

– Не так, – быстро ответила она. – Точнее, не совсем так.

Спокойствие и рассудительность Скорцени поразили ее. Она поняла, что сейчас все может действительно кончиться, и он уйдет по-настоящему, навсегда. Он решился.

– Куда ты? – спросила она, видя, что Отто надел фуражку.

– В казино, – коротко ответил Скорцени. – Ты отдыхай, завтра утром мы вылетаем в Берлин.

Голос его стал совсем чужим. Сердце ее похолодело.

– Подожди! – она порывисто схватила его за рукав. – Я сказала, что ты не прав. Тогда, в тридцать восьмом году, когда... – она запнулась, – когда мы в первый раз были вместе, я все сказала тебе. Зачем же вынуждать меня повторять? Повторять, что я была далеко не единственной женщиной в жизни Генри, что он относился ко мне и моему будущему сыну вовсе не так, как, наверное, это можно себе представить. Да, я любила его, но все это тоже было. Было! Иначе я не уехала бы из Франции. Осталась бы здесь ухаживать за его могилой. Но я уехала. Пойми, я не могла не пойти к нему теперь, оказавшись здесь, в Париже. Не могла, потому что погиб Штефан. Я же все сказала тебе. И еще, – она отпустила его рукав и отошла в окно. – Неужели за все это время ты настолько плохо узнал меня? – произнесла задумчиво, глядя на проезжающие под окном автомобили. – Неужели ты думаешь, что я не нашла бы смелости, сказать прямо, что не люблю. Я бы сказала, – она повернулась, взглянув ему в лицо блестящими от слез глазами. – Сказала бы, не испугалась, будь уверен. Но я не говорила. И не скажу. Потому что это не так.

– А как? – он неотрывно смотрел на нее.

– Пожалуйста, – она шагнула к нему, – я прошу тебя не уходить сейчас, а поехать со мной...

– Куда? Еще на одно кладбище? – язвительно осведомился он. – Где похоронен еще один твой друг, о котором я не знаю? Уволь меня, Маренн. Это твои друзья, твое прошлое. Мои – ждут меня в Берлине. Поезжай одна, если хочешь. Мне надоело тебя удерживать. Ты все сама должна понимать, не маленькая. Если что – я внизу.

– Нет, ты не пойдешь туда, – прислонившись спиной к двери, она преградила ему путь. – Я прошу тебя поехать со мной. Это важно для нас обоих – для тебя и для меня. Там я докажу тебе, что ты неправ.

Он пожал плечами.

– Ну, хорошо. Только недолго. Я хочу немного поспать перед отлетом. В Берлине меня ждет много работы.

– Там и поспишь. Сколько хочешь, – скрывая улыбку, она накинула мантию.

– Где? На кладбище? – он криво усмехнулся.

– Увидишь. Если не возражаешь, – попросила она, направляясь к двери, – я сама поведу машину. Я хорошо знаю дорогу.

– Ладно, – он только недоуменно пожал плечами.

– И не бери с собой охрану. Она нам не понадобится.

– Вот как? А как же партизаны?

– Я думаю, там, куда мы едем, никаких партизан нет. Но в крайнем случае, – она улыбнулась, – Мюллер нас выручит.

– Мюллер? – Скорцени покачал головой. – Боюсь, что даже он не справится со всем, что вы делаете, мадам. Это уже выходит за пределы его скромной компетенции. Впрочем, как

хочешь, – он взял плащ и открыл дверь, пропуская ее вперед. – Без охраны, так без охраны. Надеюсь, мы не опоздаем на самолет в Берлин?

– Посмотрим.

Они спустились в холл. Один из офицеров зондеркоманды, увидев оберштурмбаннфюрера, подошел к ним.

– Вам дать охрану, господин оберштурмбаннфюрер? – спросил он, отдав честь. – Уже темнеет.

– Нет, не надо, – ответил Скорцени, взглянув на Маренн. – Мы поедem одни. Скоро вернемся. Если задержусь, то сообщу вам.

– Слушаюсь, господин оберштурмбаннфюрер, – офицер отошел.

Скорцени и Маренн вышли на улицу. Он подошел к машине, отдал Маренн ключи, открыл дверцу водителя.

– Садись.

Затем обошел машину и сел рядом с ней.

– Поехали.

Чиркнуло зажигание. Черный мерседес плавно сдвинулся с места. Они выехали на Елисейские Поля. Машина послушно набирала скорость. Промелькнули городские районы. Видя опознавательные знаки на машине, патрули не останавливали их.

– Куда мы едем? – спросил Скорцени, когда Париж остался позади и машина свернула в пригород.

– В Версаль, – ответила она. – Как ты понимаешь, это не то место, где может находиться штаб партизанского движения.

– Надо думать, – присвистнул он. – А что мы там будем делать? Знакомиться с музеем?

– Знакомиться с моей душой, – ответила она, – которую ты, оказывается, до сих пор не знаешь. Или не хочешь знать.

Он внимательно посмотрел на нее.

– Что это значит?

– Это значит, что мы едем ко мне домой, – объяснила она. – Душа человека – это и его дом тоже, или я ошибаюсь? То, место, где он родился и вырос. Вот мы и едем в тот дом, в котором я родилась. Я родилась в Версале.

Он помрачнел.

– Это очень рискованно. Кто сейчас живет в твоём доме?

– Не знаю, – пожала плечами Маренн, – я давно уже не была там. Должна быть домоправительница со своей семьей. Когда я уезжала в тридцать третьем, приказала ей не оставлять дом ни при каких обстоятельствах. Я не могла знать, что снова будет война. Возможно, она уже и не ждет меня, ведь прошло целых десять лет.

– А это твоя домоправительница, ты ей доверяешь? – подозрительно спросил Скорцени.

– Если Женестьева там, то можно быть уверенным, что все в порядке. Ее семья много веков живет рядом с Монморанси, из поколения в поколение работая в нашем доме. Они имеют постоянную ренту и доход. Их верность проверена столетиями.

Скорцени с сомнением покачал головой.

– Поэтому я и просила тебя не брать с собой охрану, – добавила она, – представляешь, если бы мы приехали сюда со взводом солдат на грузовике. Сколько было бы шума. Тогда нас обязательно бы заметили. А так... Надеюсь, что нет. Вот мы и приехали, – она притормозила. – Мой дом. Совсем темный, ни огонька... Мы заедем через задние ворота.

Она остановила машину, вышла. Достала ключи.

– У тебя сохранились ключи? – удивился Скорцени.

– Ты же сам мне их передал в тридцать восьмом году, – улыбнулась она, – среди тех вещей, которые у меня отобрали при обыске. Помнишь?

– Конечно, помню. Я вижу, ты хорошо подготовилась.

– Не могла же я приехать в Париж и не навестить свой дом. Я даже рада, что все так сложилось.

Она открыла ворота.

– Загони машину во двор, – попросила его. – Вон туда, под навес..

Он сел за руль. Машина медленно въехала на территорию парка и остановилась в укрытии. Маренн закрыла ворота. Шум мотора, должно быть, услышали в доме. Зажглось одно окно, в задней прихожей. Послышался лязг замка и звук открывающейся двери. Голос Женевьевы осторожно спросил:

– Кто здесь?

Маренн, сияя от радости, выбежала на небольшую поляну перед домом:

– Женевьева, это я, Мари.

– Ах, – домоправительница вскрикнула. – Ваше высочество... Неужели... Так как же так...

Дверь распахнулась. Женевьева, кутаясь в платок, в волнении сбежала по лестнице вниз.

– Здравствуй, – Марена обняла ее. – Как ты?

– Да ничего, – от неожиданности Женевьева просто не могла говорить. – Сколько лет, ваше высочество, сколько лет... Мы уже не чаяли вас увидеть... Как же вы, ваше высочество... Как же вы к нам... Где же вы были, ваше высочество?

– Я все расскажу тебе как-нибудь потом, – пообещала Маренн, еще раз крепко обняв ее. – А сейчас никто не должен знать о том, что я приезжала. Твой муж дома?

– Дома... И дочка...

– Предупреди их.

– Конечно. Так, входите же в дом, ваше высочество!

– Сейчас, – Маренн обернулась. – Я не одна.

Поставив машину, Скорцени наблюдал за ними. Увидев немецкую форму, Женевьева вздрогнула и как-то оробела.

– Добрый вечер, – пролепетала она по-немецки, нервно дергая концы платка.

– Теперь пойдем в дом, – Маренн легонько подтолкнула ее, – нам здесь нельзя долго стоять. Могут услышать.

Они поднялись на крыльцо и вошли в дом. В коридоре их уже ждал муж Женевьевы. Увидев Скорцени, он явно испугался, но промолчал. Маренн обняла его:

– Я вижу, все в целости и сохранности.

– Все, как вы оставили тогда, мадам, – взволнованно проговорила Женевьева. – Мы все берегли, надеялись, не могли поверить. И вот дождались...

Не выдержав, она заплакала.

– Ну что ты, что ты, – успокаивал ее муж. – Вы насовсем, мадам? – спросил он.

– Нет, – с грустью ответила Маренн. – Всего на несколько часов. И не знаю, когда приеду снова.

Женевьева испуганно подняла голову.

– Ваше высочество...

– Не надо, Женевьева, – Маренн ласково погладила ее по руке. – Не спрашивай ни о чем. Принеси нам лучше что-нибудь поужинать. Мы будем в гостиной. Идем, – она взяла Скорцени под руку, – я покажу тебе свою душу. Ты сам решишь, нужна ли она тебе такая.

Они вошли в зал. Маренн зажгла свет. Вспыхнули огнями хрустальные люстры под потолком. Маренн с радостным смехом закружилась по комнате, скользя ладонями по мебели, прижимая к груди статуэтки и безделушки, целуя перья павлинов в вазах.

– Я дома, я дома, – повторяла она.

Скорцени остановился, глядя на портрет над камином.

– Это ты хотела мне показать? – спросил он. – Это твоя душа?

Она подошла и взяла его за руку.

– Не только это, – произнесла негромко. – Такой я была в шестнадцать лет. Жизнь изменила меня. Но не это главное. Я хотела, чтобы ты увидел этот дом. То, что мне ближе и дороже всего на свете. Чтобы ты знал, где я буду ждать тебя всегда, чтобы ни случилось. Как бы не разбросала нас судьба, здесь ты всегда найдешь меня. А теперь, попробуй, скажи мне, что я не от всей души сейчас говорю с тобой. Здесь, в родном доме, перед лицом своей юности. Разве могу я лгать? Обещаю – буду ждать тебя здесь всегда...

Вошла Женевьева, неся на подносе вино и закуски.

– Как ваши детишки, мадам? – спросила она, накрывая на стол. – Штефан и Джилл? Выросли, наверное?

– Выросли, – грустно ответила Маренн. – Штефан... погиб. Недавно.

– Штефан?! – Женевьева охнула, как будто ее ранили и чуть не выронила бокал. – Штефан! Да как же так, мадам?

– Война, Женевьева. Идет война. Он был солдатом. Как и его отец. Как мой отец. Ты понимаешь?

– Да, мадам, – Женевьева кивнула, вытирая слезы.

Маренн подошла и снова обняла ее, успокаивая. Потом помогла ей расставить посуду и разложить приборы.

– А Джилл? – спросила Женевьева с затаенным страхом.

– С Джилл все хорошо. Она сейчас в Берлине.

Женевьева вздрогнула и обернулась на Скорцени. Но больше ничего не спросила.

– Теперь у меня осталась одна Джилл, – грустно произнесла Маренн. – Спасибо, Женевьева, ты можешь идти.

В тот вечер они не вернулись в Париж. Позвонив, Скорцени предупредил Кнохена, что подъедет утром прямо к самолету.

Пурпурно-золотой закат пылал над Версалем. Стучались в окна ветки облетевших деревьев, поскрипывали под напором ветра оконные рамы.

– Я буду ждать тебя всегда. Здесь. Что бы ни случилось, – шептала она, когда он целовал ее в постели под царственно-алым балдахин, отделанным горностаем. – Если буду жива. Если мы оба будем живы.

Теперь трудно поверить, что все это происходило всего лишь полтора года назад.

И вот наступило время доказать, что тогда она была искренна. Война закончилась. Германия проиграла. Рейх пал. Все осталось в прошлом. И вот уже не скрываясь, она входит как полновластная хозяйка в этот старинный величественный дом, где когда-то жили ее знаменитые предки, герцоги Гаскони и Прованса, и где они встречали частенько навещавших их французских королей. Теперь пришла пора выполнять обещания.

«Я буду ждать тебя всегда», – говорила она ему здесь.

«Я буду ждать тебя всегда», – повторила под обстрелом в осажденном Берлине, совсем еще недавно, когда они прощались.

Теперь она шепотом повторила эти слова, входя в залитый солнечным светом зал, подошла к камину. Юная, зеленоглазая девушка улыбалась ей с портрета Серта, как и много лет назад. «Разве я могу солгать перед лицом своей юности? Я буду ждать тебя всегда. Чтобы ни случилось».

Айстофель ткнулся ей в руку прохладным, влажным носом. Она наклонилась, глядя его.

– Мы будем вместе ждать здесь твоего хозяина, – проговорила она, глядя в умные желтоватые глаза овчарки. – Ты и я. А еще Джилл. Мы обязательно его дождемся. Я уверена, он придет к нам. Обязательно придет. Надо только подождать.

Она опустила в кресло, Айстофель улегся рядом, положив голову ей на туфли. Она смотрела на зал, в котором до боли знакома каждая черточка, каждая безделушка, каждая зацепка на старинной обивке, каждый изъян на старинном паркете, пусть даже искусно скрытый мастером. Ей больше не надо прятаться под чужим именем, она снова могла стать сама собой. Она снова оказалась богата, ее ждали почет и уважение Французской республики. И она знала, кого она должна благодарить за это. Ей не нужно было спрашивать де Трая, она прекрасно знала о завещании маршала Фоша и о том, что вступает во владение огромным состоянием. Только все это не доставляло ей теперь никакой радости. Даже долгожданное возвращение домой. Сейчас она испытывала радости меньше, чем осенью сорок третьего года, когда приехала сюда со Скорцени.

Ведь тогда он был вместе с ней. А сейчас... Его не будет очень долго. Если вообще... больше никогда не будет.

– Мама, как ты думаешь, – Джилл тихо подошла сзади и положила ей руки на плечи, – Ральф мог выжить? Где бы он был сейчас, если бы остался жив?

– Наверняка с Вальтером, где еще? – Маренн накрыла ее руку своей. – Но удар был смертельным, – с горечью произнесла она. – Прости, девочка моя.

– Мама, – Джилл прижалась щекой к ее волосам, – давай вернемся назад. Я не могу здесь жить и не хочу.

– Но нам некуда возвращаться, – Маренн обернулась, обняла ее. – Там ничего больше нет. Все разрушено. Берлина нет. Пока. И неизвестно еще, каким он будет потом. Возможно, мы не вернемся туда никогда. Даже не сможем поехать. Надо привыкать, Джилл.

– Но я не хочу, мама.

– Я тоже, как ни странно. Но что еще нам делать? Ничего другого не остается. Жить, ждать, помнить. Надеяться.

– На что?

Маренн промолчала. Она и сама не знала.

– Я не могу, мама. Я не вынесу этого, – Маренн услышала, что Джилл плачет. – Для чего? Скажи мне, для чего? Ты не согласишься со мной, но Штефан, если бы знал, сейчас был бы рад, что не дожил до всего этого. Я даже завидую ему, хотя понимаю, как больно тебе слышать это от меня.

– Ты права, – Маренн встала, прижала дочь к себе. – Больше никогда не говори ничего подобного. Штефан, останься он жив, сейчас бы находился среди пленных. Но когда бы его отпустили, он никогда не стал бы жаловаться. Штефан любил жизнь. Он сумел бы найти новый смысл. Я понимаю, что тебе гораздо труднее. Ты переживаешь не только крах прежней жизни, как многие, – погиб Ральф. Для тебя это удар вдвойне. Но надо мужаться, Джилл. Надо собраться. А для чего? Ну, хотя бы для того, чтобы помнить о тех, о ком, кроме нас, никому.

Глядя Джилл по волосам, она снова взглянула на портрет Серта. Внезапно осознала, что чувствует то же самое, что и Джилл. Скорцени был последним мужчиной в ее жизни. И даже не потому, что лучшим, а потому, что обстоятельства, которые сопутствовали их расставанию, стали столь оглушительно трагичны, что перешагнуть и забыть она не сможет никогда. Ничего из оставшихся позади семи лет жизни.

Вечером к ней в Версаль приехал де Трай. Приехал, как и обещал. Возбужденный, полный радостных надежд. Оставшись наедине, он клялся, что все эти годы переживал их раз-

луку, хотел искупить свою вину. Она уже слышала об этом. «Анри безумно тосковал по тебе. Он искал тебя», – говорила ей в Берлине Коко Шанель во время их неожиданной встречи в Гедесберге. Слышала она и том, что он быстро женился. На девушке из хорошей семьи, красавице, которая его боготворила.

– Отец настаивал на этом, – словно оправдываясь, Анри опустил голову.

– Я понимаю, – поспешно ответила она. – И не упрекаю тебя.

– Надо было замять скандал и погасить долги.

– Да, да, конечно.

– А что же Габриель? – спросила она, чтобы сменить тему. – Ты виделся с ней?

– Не успел.

Маренн подошла к окну. Высокие каштаны вокруг пруда, затянутого кувшинками, напомнили деревья на озере в Гедесберге. Их силуэты плыли, отражаясь в темной воде, и казалось, она видит, как покачиваются желтые и бурые облетевшие листья. Она вспомнила удивленный взгляд Шанель, ее темные, чуть раскосые глаза, непослушную копну волос, отблески жемчуга в ожерелье. Между ней и Коко всегда была одна большая тайна – Генри. Теперь появилась вторая – Вальтер. Шанель никому не обмолвилась ни словом об их встрече в Германии. И она должна быть признательна ей за это. Впрочем, Коко ничего не делала просто так. Скорей всего она рассчитывала и на ее молчание. Что ж, она не обманет ее надежд. Они связаны одной веревочкой – с этим не поспоришь.

– Почему не успел? – Маренн повернулась к де Траю. – С ней что-то случилось?

– Она уехала. Вообрази, – пригубив шампанского из хрустального бокала, де Трай откинулся на спинку кресла. – Наша мадам Коко оказалась замешанной в шашнях с немцами. Мало того, что она открыла в Париже во время оккупации магазин и вела неплохую торговлю, она еще не один раз ездила в Берлин и даже спуталась там с каким-то крупным чиновником СС.

Маренн вздрогнула.

– Откуда это известно?

– Разболтали ее работницы.

«Понятно, пролетариат пролетариату».

– Но я надеюсь, что спуталась она с ним по сердечной части, – произнесла Маренн вслух, усаживаясь в кресло напротив де Трая. – Уж никак не по политической. Никогда не поверю, что Коко решила заняться политикой. Она всегда слишком занята модой.

– Конечно, по сердечной, – легко подтвердил де Трай. – Но теперь всем женщинам, которые одобряли политику коллаборационизма, а уж тем более тем, кто крутил романы с немцами, придется ответить. В глазах народа они заслуживают публичного наказания. Народ требует справедливости.

– Народ требует? – Маренн усмехнулась, разглядывая, как искорки света играют в гранях бокала. Давненько она не слышала ничего подобного. Уж тем более не ожидала услышать подобного во Франции от выходца из дворянской семьи, история которой насчитывает почти тысячу лет. Вот что значит, решающую роль в победе над нацизмом сыграли Советы и Сталин. Теперь их риторика популярна, заразительна.

– А в чем виноваты женщины? – спросила она, не отрывая глаз от бокала. – Это они сдали Францию Гитлеру? Или сбежали в Лондон, или куда-то еще, – она хотела сказать в Москву, но воздержалась. – Разве женщины не принесли жертву в восемнадцатом, вместе со всей нацией, разве не выдержали они разлук, не перенесли потерь, чтобы немцы никогда больше не ступили на нашу землю? Так почему же они не только ступили, а очень вольготно на ней пожили целых пять лет. Виноваты женщины? – она усмехнулась.

– Ну, конечно нет! – де Трай явно растерялся. – Но это общее настроение. Ты знаешь, какую роль в движении Сопротивления сыграли коммунисты, у них огромная поддержка по

всей стране. Чтобы заручиться ей, де Голль согласился ввести Мориса Тереза в правительство. Тот же настоял на организации «комитетов по чистке».

– Каких комитетов? – Маренн вскинула голову. – По чистке? Ну, это просто как во время революции 1789 года. А гильотины не предвидится? Или обойдутся тривиальными методами, расстрелом, например.

– Да, кого-то и расстреляют, – ответил де Трай с вызовом. – Кто заслуживает. А обойти Мориса Тереза Шарль никак не мог, – теперь он уже вроде как оправдывался. – Да, методы коммунистов спорны. Но пойми, если бы де Голль был здесь, во Франции, если бы он сам находился в подполье! Но он эмигрант, диссидент. К тому же на Морисе Терезе настаивает Москва. Де Голль был приглашен к Сталину, тот признал его и поддержал. Так что в некоторой степени он зависит от Советов не меньше, чем от Англии, которая предоставила ему убежище.

– Я так и поняла, – Маренн кивнула. – Рука Сталина прослеживается четко. Создать комитеты, навести беспредельный страх, это все очень на него похоже. И что же, Коко попала в лапы такому комитету?

– Да, ее арестовали в отеле «Риц». Двое сотрудников явились к ней в комнату и без всяких деликатностей потребовали, чтобы она следовала за ними. Она сопротивлялась, назвала всех маки «фифишками», но потом все-таки подчинилась. Куда денешься? Когда ее выводили из отеля, она громогласно заявляла, что никогда не видела более уродливых рубашек, чем на этих молодых людях и более страшных сандалий, где только шьют подобное! – де Трай рассмеялся. – В общем, все они головорезы, приспешники Робеспьера, душегубы. Франция оказалась в руках безумцев.

– И что же? – Маренн насторожилась. – Как ее отпустили?

– Толком не знаю, – де Трай пожал плечами. – Пробыла она на допросе недолго. Говорят, позвонил лично Черчилль. Ты знаешь, она была знакома с ним, и, видимо, заранее заручилась поддержкой. Так что ее отпустили, и она благополучно выехала в Швейцарию. А магазин работает, там теперь толпятся американцы. Покупают «Шанель № 5» для своих подружек.

– Подружки будут довольны, – задумчиво промолвила Маренн. – Я очень надеюсь, что Франция хорошо выучила уроки Великой революции и не даст снова повести себя по кровавому пути. Она знает, куда заводят такие дорожки.

– Не знаю. Это все пустое, – де Тай склонился к ней.

Маренн вздрогнула, она почувствовала, как все внутри нее напряглось. За окном темно. Сквозь полураскрытую дверь из будуара с стиле Людовика Пятнадцатого, где они сидели, виднелась спальня, укрытая горностаевым покрывалом кровать под алым балдахинном. Конечно, он приехал сюда не для того, чтобы обсуждать Шанель.

– Мари, я часто думал о том, сможешь ли ты простить меня, забыть, что случилось тогда, – он понизил голос и неотрывно смотрел ей в лицо. – Ведь прошло столько лет. Каких лет! Мы оба так много пережили. Казалось бы, все должно остаться в прошлом. Но я могу сказать о себе – для меня это не так. Все в прошлом кроме тебя. Ты для меня такая же, какой я увидел тебя тогда, во время Первой мировой, под Верденом. Рядом с маршалом. Ты для меня Марианна. И все, что я чувствовал тогда, живо и сейчас. Несмотря на годы, несмотря на войну. Мари, одно твое слово – я брошу все и всех. Меня не остановит даже папа римский.

Он протянул к ней руку. Айстофель зарычал. Маренн отшатнулась. Не потому что испугалась. Ее взгляд снова обратился к спальне. Она вдруг подумала, что два года назад Скорцени последним был здесь. И после него никто уже не ложился в эту постель. Она словно воочию увидела, как он садится на край, расстегивает черный китель, протягивает к ней руку, точно так же, как сейчас де Трай, обнимает ее... Нет, она не сможет позволить того, чтобы кто-то другой занял его место, возможно, даже никогда. Даже если сам Отто никогда

не приедет сюда снова. Она не допустит никого в эти воспоминания. Пусть Отто не вернется к ней, он будет жить с ней в этой комнате. Она не даст потухнуть памяти даже тогда, когда состарится, и все станет далеким прошлым. «Я буду ждать тебя всегда. Здесь», – обещала она ему в сорок третьем. И даже сама не знала тогда, насколько твердым окажется ее намерение исполнить это обещание.

– Я прошу тебя, уезжай, – она увидела, как взгляд Анри меркнет, как лицо его бледнеет. Он не ожидал отказа. А чего же он ожидал?

– Уезжай, – настойчиво повторила Маренн. – Зачем беречь раны? Нет смысла возрождать то, что умерло. Ты сам все решил, у тебя – семья, жена, сын. Надо думать о них. А обо мне – забыть.

Де Трай распрямился. Она опустила голову, зажмурила глаза – и опять увидела себя, в тридцать третьем, как под проливным дождем спешила по перрону, держа за руки заспанных Штефана и Джилл. Они тянулись за ней, не понимая, куда они едут, зачем и почему ночью, зачем их вытащили из теплой постели на дождь. Длинный шлейф черного платья, пошитого Шанель, грязный и мокрый, метался по лужам. Волосы намочили от дождя, по лицу беззвучно текли слезы, мешаясь с дождевыми каплями. Сзади носильщик тащил чемоданы и все спрашивал:

– Какой поезд, мадам? Какой поезд?

– Тот, который уходит быстрее, – отвечала она.

– Это берлинский, – ответил он.

– Тогда прошу вас, – она остановилась у вагона. – Купите нам билеты. Мы будем ждать здесь.

«Купите нам билеты на берлинский поезд, – попросила она носильщика двенадцать лет назад. – Пожалуйста, поскорее. Мне не хотелось бы опоздать».

Она не опоздала. Не опоздала на берлинский поезд. Не опоздала в лагерь. Не опоздала в Шестое Управление РСХА. Не опоздала встретиться с Отто Скорцени. Не опоздала узнать о гибели сына под Белгородом.

Поезд доставил по назначению. Он ушел с вокзала Аустерлиц в половине первого ночи второго ноября тридцать третьего года, в годовщину победы в Первой мировой войне, и его теперь не догнать. Он навсегда увез ее от де Трая, от всей прежней жизни, и, видимо, от Первой мировой во Вторую. Из прошлого в совершенное иное будущее. Увез так далеко, что Анри даже невозможно это представить. Потому больше ему нет в ее сердце места. Она перестала быть Марианной. Во всяком случае, перестала ощущать себя ей.

– Я прошу тебя, уезжай, – еще раз твердо сказала она, и он понял, что она не изменит решения.

Первые капли дождя ударились о стекло. «Совсем как двенадцать лет назад», – мелькнуло в голове.

Он встал. Что-то вежливо сказал, не глядя на нее. От волнения сжимая поручни кресла руками, она даже не разобрала слов. Кажется, он пожелал спокойной ночи, хорошо отдохнуть.

– Благодарю, – она едва заставила себя сказать это слово.

Рука ее опустилась вниз и уперлась в шелковистую шерсть Айстофеля. Неожиданно спокойствие вдруг охватило ее. Де Трай направился к двери.

– Не надо, не провожай. Я сам.

В душе она признательна ему за это. Пожалуй, у нее не нашлось бы сил сейчас пройти через несколько больших комнат до крыльца. Не нашлось бы сил выдержать напряжение, которое давило на них обоих.

Не обернувшись, он вышел из будуара. Она услышала любезный голос Женевьевы, та провожала де Трая. Пальцы Маренн теребили шерсть Айстофеля. Чувствуя ее волнение,

собака придвинулась, положив лапу ей на ногу, и как бы успокаивая. Нет, Анри конечно же придет сюда еще не раз. Возможно, сейчас он отнесет ее холодность за счет усталости. Он попытается снова вернуть прежнюю нежность их отношений. Возможно, в сложившихся обстоятельствах он навсегда останется ее лучшим другом. Ее единственным другом. И ей еще не раз придется обратиться к нему за помощью, когда у какого-нибудь активного деятеля такового вот комитета, который арестовал Шанель, возникнет желание проверить ее досье. Возможно, он еще не раз будет делить с ней длинные вечера в этом большом, старинном доме. Но мужем, любовником, близким мужчиной он не будет для нее уже никогда.

– Всего доброго, господин граф, – слышался голос Женевьевы внизу.

Дверь стукнула. Неожиданно вздрогнув, Маренн наклонилась к Айстофелю.

– Теперь ты успокоился? Не волнуйся, мы с тобой вместе, и никто не встанет между нами. Никто, пока не вернется твой хозяин, я обещаю.

Да, вот и настало время, когда ее единственным «доверенным» лицом стала старая эсэсовская овчарка. Только этот пес остался напоминаям о недавнем прошлом, которое столь дорого и близко им обоим. Им всем троим, включая Джилл. Он не умеет говорить, и никому никогда не выдаст того, что чувствует и знает. Всего того, что видел и помнит. Ему все странно здесь в Версале. Он не понимает французскую речь, не привык к дворцам. Огромный дом и сад – сколько потребуется времени, чтобы все обнюхать, со всем познакомиться. Однако только за Траем закрылась дверь, пес сразу вскочил и побежал в спальню.

– Чувствуешь, что здесь был твой хозяин? – Маренн последовала за ним и села на кровать, позвав собаку к себе. – Иди сюда.

Овчарка прыгнула на покрывало и улеглась, прижавшись головой к хозяйке. Маренн ощутила тепло, которое шло от собаки, оно словно переливалось в нее, передавая спокойствие, уверенность. Теперь только Айстофелю будет позволено спать на ее постели. Им вместе предстояло ждать того, кого они любили, молить за его спасение. Она – того, кого ее учили просить с детства, того, кто не баловал ее снисхождением. Он своего собачьего бога, который тоже милосердным бывал не часто.

«Мне надо бы подняться наверх, посмотреть, как Джилл, легла ли она уже».

Маренн опустила голову на подушку, она почувствовала, как страшная усталость приковала ее к постели. Кажется, подняться, встать уже нет сил. Женевьева натопила в спальне камин – поленья весело потрескивали за ажурной решеткой. По стеклу барабанил дождь.

В начале декабря сорок первого года, когда фон Бок предпринял последний решительный бросок на Москву, Отто Скорцени прибыл на Восточный фронт со своей группой, чтобы проверить работу диверсионной школы, организованной совместно с абвером под патронажем армейского командования. Отправив самолетом в Берлин раненых, которых она отобрала для Шарите во фронтовых госпиталях, Маренн решила не лететь вместе с ними, а вернуться с Отто и его подчиненными. На обратном пути они остановились в небольшой подмосковной деревушке, затерявшейся среди запорошенных снегом лесов. В деревне после боев уцелело всего пять дворов. На пригорке стояла полуразрушенная старая церковь. Все население составляли старики, старухи, несколько женщин с детьми, попрятавшиеся, кто куда, при приближении немцев. Останавливаться здесь не было никакой необходимости, до полевого аэродрома, где должен был ждать самолет из Берлина, оставалось не так уж далеко, но сгущались сумерки, ранние в декабре, и передвижения ночью были небезопасны из-за действий партизан, так что оберштурмбаннфюрер принял решение заночевать в деревне. Вместе с Раухом и связистами он занял самую большую избу. В доме жили две женщины, одна постарше, другая помоложе, похоже, родственницы. Закутанные в тулупы, обмотанные темными платками, они испуганно наблюдали, прижавшись к стене, как деловито расхаживают по их дому люди в чужеземной форме. Наконец переводчик объяснил им, что в их избе будет ночевать сам господин оберштурмбаннфюрер и надо протопить дом, приготовить

ужин, постель и все прочее, чтобы ему было удобно. Солдаты принесли дрова, блестящие упаковки продуктов, которые вручили женщинам, чтобы они использовали их для стола. Пока размещались по домам, Скорцени связывался с Берлином и армейским штабом, уточняя обстановку. Подняв воротник шинели – дул пронизывающий, ледяной ветер – Маренн подошла к церкви. Когда-то вокруг нее росли высокие раскидистые березы, но теперь они были частично вырублены под корень, частично поломаны снарядами во время недавнего обстрела. Сама церковь тоже разрушена – купола снесены, окна выбиты. На ветру поскрипывали покосившиеся рамы. Поднявшись по обледенелым ступеням крыльца, которое прежде верно служило парадным входом, Маренн попыталась открыть дверь, которая поддавалась с трудом. Когда она открылась, Маренн с порога увидела просторный, пустынный зал. Когда-то здесь проводились службы. Теперь все было разрушено. Витражи разбиты, каменные плиты пола выворочены, стены покрылись инеем, алтарь разбит, икон нигде не видно. В углу валялись пустые мешки и ящики. Наверное, недавно здесь находился склад. Стараясь не споткнуться, Маренн прошла в центр зала. Прямо над головой каркнула ворона – Маренн вздрогнула. Потрявоженная птица пролетела под самым потолком, шелестя крыльями. В бликах угасающего дня Маренн заметила лик Богородицы, сохранившийся на одной из стен. Она подошла поближе. Поблекшее лицо Богоматери было спокойно и невозмутимо. Оно напоминало лик мадонны на фресках в Риме и Милане. Где-то рядом послышался вздох. Маренн инстинктивно схватилась за кобуру, оглянулась – никого не было. Может быть, ей показалось? Может быть, это ветер прошелестел в окнах или снова пролетела птица? Она почти успокоилась, когда, присмотревшись, заметила в самом дальнем углу сидящего на корточках человека. Он не шевелился. Как он здесь оказался?

Вынув пистолет из кобуры – на всякий случай – Маренн подошла к нему. Он не поднял головы, и даже не пошевелился. Он так и сидел, прислонившись спиной к стене, обхватив руками колени, с низко склоненной головой, весь закутанный в черное. Только подойдя совсем близко к нему, Маренн увидела, что он очень стар. Из-под черной шапки виднелись длинные пряди волос, не просто седых – белых, точно снег за окном. Она тронула его за плечо.

– Вы замерзли? – спросила по-немецки, отдавая отчет, что он может и не понять ее. – Вам плохо? Вы больны?

Он поднял голову, взглянув на нее. Худое, осунувшееся лицо оказалось желтым и сухим, как старинный пергамент, и сплошь испещрено морщинами. Его окаймляла длинная борода, такая же белая, как и волосы под шапкой. Глаза, спрятанные под кустистыми седыми бровями, казалось, совершенно выцвели от старости. Увидев ее форму, он не испугался. Некоторое время молча смотрел, потом спросил, к удивлению Маренн по-немецки:

– Вы пришли? Я знал, что вы придете. Антихрист грядет. Он близко. Второй всадник на рыжем коне пришел, он сеет смерть и горе. За ним недалеко и третий, и четвертый. Уже видно зарево их деяний. Все они следуют за злом.

– Вы знаете немецкий? – Маренн растерялась. – Кто вы? Учитель?

– Я здешний священник, бывший. Немецкий когда-то учил, читал книги.

– Священник? – Маренн убрала пистолет в кобуру и присела рядом со старцем.

– Впрочем, и учителем меня тоже можно назвать, – морщины на сухом, изможденном лице старца дрогнули, губы растянулись в едва различимой улыбке. – У нас когда-то была школа. Сюда ходили местные детишки. Теперь вот даже крыши нет, – он поднял голову к темному вечернему небу над собой. – Господь карает Россию за грехи. Он посылает на Русь чужеземцев, чтоб она прозрела, но она слепа...

– А как разрушили этот храм? – спросила Маренн. – Попала бомба или артобстрел?

– Его разрушили давно, – священник горько покачал головой. – Еще до войны. Задолго. Когда-то до революции у нас был большой приход. Из соседних селений стекался люд.

Много образов замоленных, сам государь Николай Александрович с семейством почтил нас приездом. А уж как революция свершилась, все покатило кувыркком. Те же ребятишки, которых учил здесь, прибежали тащить отсюда все. Мол, какие-то военные люди с наганами сказали им, будто бога нет, церковь закрывается, религия отменяется, и новому государству ничего этого не нужно. Со мной еще трое монахов было, приписанных к церкви. Так мы стали препятствовать им. А люди с наганами всех их и постреляли. Прямо вот здесь, под образами, и легли они. Похоронил я их после за изгородкой. Чтоб не надругались. Вот и скит сожгли, и купола порушили. Все покрали, да свезли куда-то. Вот только я и остался один-оденешенек в живых.

– И где же вы живете? Здесь?

– А куда мне идти? – ответил старец. – Для меня по всей Руси уж двадцать годов места нет. Тут и живу, в каморке, – он махнул рукой куда-то в сторону. – Без света, без тепла, как придется. С Божьей помощью.

– Так, значит, учились в школе, ходили в храм, а потом все украли и сожгли? – произнесла Маренн задумчиво, взглянув на образ Богоматери. – Неужели у истории нет других путей, и к прозрению все народы она ведет через одни и те же испытания? Только одних раньше, других позже?

– А вы ведь не немка, – старик внимательно посмотрел на нее, на ее шинель, на погоны, на буковки «СС» на рукаве, – вы ведь не с ними.

Маренн вздрогнула и повернулась к нему.

– Я австриячка. Но родилась и долго жила во Франции. С детства воспитывали меня в католической вере. Но со временем вера моя иссякла. Увы. Наверное, мера испытаний оказалась слишком велика. Теперь скорее я атеист.

– Нет, нет. Господь никогда не допустит человеку большего горя, чем он может выдержать. Значит, сила духа вашего велика, коли он молчит. Господу известно, что и без него вы сдюжите.

– Во Франции тоже так было. Революция, долой церкви, веру. Потом все вернулось на круги своя. И революции нашлось место, и религии.

– Мне все это известно. И войной была наказана Франция, и крови пролилось немало. Чего один Бонапарт стоил. Теперь вот наш черед, – старик глубоко вздохнул. – Только мне уж не увидеть, как все переменится к лучшему. Помирать уж скоро. Вы идите, – сказал через паузу. – А то ваши хватятся вас. Темно совсем стало.

– Да, да...

Маренн поднялась, подошла к стене, на которой все еще был заметен лик Богородицы. И неожиданно для себя осенила крестом, по-католически, слева направо. И не оборачиваясь, вышла из церкви.

В задумчивости она вернулась в деревню. Ее встретил Раух.

– Оберштурмбаннфюрер уже спрашивал о вас, фрау, – сказал он обеспокоенно. – С вами все в порядке? Вы не замерзли?

– Нет, – она с улыбкой покачала головой. – Не волнуйтесь. Все хорошо.

– Тогда проходите в дом. Устраивайтесь поближе к печке. Там теплее.

– Спасибо, Фриц.

Единственная комната, которую заняли офицеры, была жарко натоплена. Маренн сняла шинель и подошла к печке, прислонившись к теплым кирпичам. Дверь скрипнула. Из сеней вошла хозяйка с посудой. Расставляя на столе миски, исподтишка с любопытством разглядывала тонкую, стройную немку в военной форме с длинными распущенными волосами. Сожалея, что не может ни слова сказать по-русски, Маренн подошла к ней и взяла часть посуды, показывая, что желает помочь накрыть на стол. Хозяйка явно испугалась, замала руками, оглядываясь на дверь. Маренн жестом попыталась успокоить ее. Но женщина,

подобрав подол длинной юбки, быстро вышла из комнаты. Вошел оберштурмбаннфюрер в сопровождении Рауха и нескольких офицеров. Побросав шинели на лавку, они сели за стол. Скорцени подошел к Маренн.

– Где ты гуляла? – спросил, ласково сжимая ее руку. – Это опасно, я тебя предупреждал. К тому же холодно. Тебе привет от Ирмы и Алика. Они оба желают нам хорошенько выспаться на русской печке.

– Не думаю, что они нам завидуют, – улыбнулась Маренн.

– Еще бы в такой мороз, в лесной глуши. Ирму озноб прошиб, только когда она представила себе все это. Она ни на что не променяет свою теплую постельку в уютной берлинской квартире.

– Она может себе это позволить. И не скажу, что она неправа.

– Тебе тоже совсем необязательно, – напомнил он. – Ладно, давай ужинать.

Офицеры разливали шнапс, закусывая солеными огурцами и грибами, которые хозяйка достала из своих запасов. Маренн недолго посидела с ними, она почти ничего не ела, потом, сославшись на усталость, встала из-за стола. Через переводчика Скорцени приказал хозяйке постелить фрау в самом теплом месте. Расстегнув китель, Маренн забралась на лежанку, укрывшись пестрым лоскутным одеялом. Еще раз поймала на себе ее удивленный взгляд, видимо, внимание женщины привлекло тонкое кружевное белье под кителем фрау, но едва заметив, что Маренн на нее смотрит, женщина надернула на лицо край цветастого платка и отвернулась.

Офицеры еще долго сидели за столом, переговаривались вполголоса, приглушенно смеялись, чтобы не беспокоить фрау. До нее доносился стук кружек, знакомый запах сигарет.

Наконец Скорцени подошел к печке, поднялся на приступку.

– Ты спишь? – спросил, подняв занавеску.

– Нет еще. Дай мне сигарету.

Он протянул ей пачку. Она вытащила одну. Щелкнув зажигалкой, Отто дал ей прикурить.

– Сейчас я приду.

Он отошел. Через минуту послышался шум отодвигаемых стульев, шаги по комнате.

Кто-то неожиданно громко рассмеялся.

– Скажи хозяевам, пусть уберут завтра, – приказал Скорцени переводчику.

Офицеры разошлись. Скорцени поднялся к Маренн на лежанку.

– Ну что здесь такое? – поинтересовался он. – Мне места хватит?

Она пододвинулась к стене.

– Должно хватить.

– Чем тесней, тем лучше.

Он улегся рядом, расстегнув китель. Было тихо. За маленьким тусклым оконцем хлопьями падал снег. Он взял у нее сигарету, потушил, бросил окурок на пол. Потом обнял, прижимая к себе. Она почувствовала, что его дыхание стало глубже, порывистей. Он приник к ее губам глубоким, страстным поцелуем, расстегнув рубашку на груди, и с возбуждением ощущая, как ее теплая упругая грудь, освобожденная от тонких французских кружев, буквально вылилась ему в руку. Он наклонился, целуя ее шею, плечи. Сдернув мешавший галстук, расстегнув его рубашку, она ласкала руками его сильные плечи и мускулистую грудь. Он все тесней прижимал ее к себе. Его руки ласкали ее ноги, приподнимая юбку. Наконец, тяжело дыша, он опустил ее на нее, и все ее тело словно пронзило раскаленным добела металлическим прутом, до сердца, до самого горла.

– Mon Dieu, mon Dieu! – прошептала она по-французски, сдерживая стоны. Его руки еще сильнее сжали ее груди. Раскаленный прут точно взорвал изнутри все ее существо. Не удержавшись, она застонала от боли и страсти.

Она не знала, как это случилось и кто убил этого солдата. Но в одном из домов на окраине деревни солдата, вышедшего ночью на двор по нужде, нашли мертвым.

Маренн проснулась от странного шума, доносившегося с улицы. Она не знала, как долго спала и сколько времени, но за окном уже стало светло, как днем. Скорцени уже не было рядом с ней.

Быстро одевшись, Маренн спрыгнула с лежанки и, накинув шинель, вышла на крыльцо. Вся деревня была ярко освещена несколькими мощными прожекторами, которые превратили ночь в день. Всюду сновали солдаты в полном обмундировании, слышались громкие крики команд, лай собак, стрельба, взрывы, крики о помощи. Будто и не было тишины и никто не ложился спать в эту ночь. Эсэсовцы окружили деревню. Небольшими группами они врываются в дома, выламывая и выбивая двери, если их не пускали или не успевали открыть, выгоняли жителей на улицу, кто в чем был – полуодетыми, испуганными. Потом бросали в дома гранаты. Жители деревни, старики и женщины, стеноя, металась по улице, но всюду натывались на автоматчиков, которые сгоняли их в общую группу. Маренн выбежала со двора на улицу. Увидев ее, солдаты расступились.

– Что происходит? – спросила она одного из них, который стоял ближе.

– Убили одного из наших, – доложил тот. – Приказано найти виновных и наказать.

– Где господин оберштурмбаннфюрер? – спросила Маренн.

– Он там, дальше, с адъютантом, – солдат махнул рукой, показывая на соседние дома.

– А кого-нибудь уже нашли?

– Так точно, – доложил солдат. – Двое скрывались на чердаке в самом крайнем доме.

Да вон они!

Теперь Маренн и сама увидела виновных. Их вели по улице, босых по морозу. Двое мужчин в разорванном обмундировании Красной армии. Один из них был тяжело ранен и едва передвигал ноги, опираясь на плечо своего товарища. Два немца за их спинами подгоняли пленников прикладами. Маренн поняла, что их ведут на казнь. Место было подготовлено на небольшой площадке между домами. Здесь установили пулемет. Рядом выстроился караул. Маренн увидела Скорцени. Он стоял в окружении офицеров. Она быстрым шагом направилась к ним. Но вдруг остановилась. На пороге одного из домов она увидела старика с раздробленной головой, стена вокруг него была запятнана кровью. Она вдруг почувствовала, как тошнота подступает к горлу. Но собравшись с духом двинулась дальше. Скорцени встретил ее холодно.

– Зачем ты пришла? – спросил с явным раздражением. – Иди в дом.

– Нет, я останусь, – тихо, но твердо произнесла она.

– Иди в дом! – приказал он.

– Я останусь, – настойчиво повторила она.

Пленных подвели к стене. Согнали жителей. Какой-то пьяный ротенфюрер громко хохотал, заставляя древнюю старуху со скрюченными болезнью руками передвигаться на корточках по обледеневшему снегу. Маренн отвернулась. Ее взгляд упал на пленных. Один из них раненый, совсем еще мальчишка, держался из последних сил. В глазах его стояли слезы, которые он отчаянно пытался скрыть. Другой постарше взирал на все происходящее с видимым спокойствием. Он повернул голову в сторону Маренн. Глаза их встретились. Русский внимательно посмотрел на нее. Она заметила, что во взгляде мелькнуло удивление, потом насмешка. Маренн не выдержала. Она повернулась к оберштурмбаннфюреру.

– Я прошу тебя отменить казнь, – попросила она. – Они же больные, раненые...

– Это не твое дело, – отрезал он и поднял руку в блестящей черной перчатке, подавая знак пулеметчику. Маренн схватила его за руку, опуская ее.

– Ты слышишь, я прошу тебя, – повторила она.

Он грубо оттолкнул ее и снова поднял руку. Маренн с отчаянием взглянула на пленных. В глазах старшего на этот раз мелькнуло что-то похожее на уважение и ... сожаление. Пулеметчик изготовился к стрельбе. Скорцени подал знак. Какая-то женщина вскрикнула в толпе. Маренн неожиданно бросилась вперед и упала на снег – пули просвистели над ее головой. Побледневший оберштурмбаннфюрер сделал знак адъютанту. Раух подбежал, наклонившись, осторожно поднял ее.

– Вас не поранили? – спросил встревоженно, поддерживая под локоть. – Господин оберштурмбаннфюрер просит вас подойти к нему. Опираясь на руку Рауха, Маренн подошла к Скорцени. Он был бледен, скулы на лице выступили от напряжения, шрам на щеке стал заметнее. Жестом приказав Рауху отойти, он крепко сжал ее руку и, притянув к себе, произнес ледяным тоном:

– Стой здесь и смотри, если ты пришла. И не смей отворачиваться, а тем более показывать всем истерику. Здесь тебе не Франция, и я не твой отец, чтобы позволить бегать под пулями в угоду эмоциям. Да и тебе уже не восемнадцать лет, Маренн. Пора заканчивать со спектаклем. Солдаты смотрят на тебя. И не столько на тебя, сколько на меня. Стой и смотри. Ясно? – крепко сжав пальцами ее щеки, он насильно повернул ее лицо в сторону жертв. Она почувствовала боль. Не желая терпеть, она оторвала его руку.

– Ты мне не то, что не отец и не муж, ты мне вообще никто, – ответила вполголоса, сдерживая дрожь. – Ты мне то же самое, что и им, – она кивнула в сторону пленных. – Охранник в лагере военнопленных. Только лагерь немного повольтонее, да...

Договорить она не успела. Снова застрочил пулемет. Закричали женщины в толпе. Истекая кровью, пленники медленно сползли вдоль стены на землю. Молодой был еще жив – старший закрыл его собой, приняв на себя всю очередь. Он стонал, корчась на снегу. К нему подошел автоматчик, чтобы добить. Маренн инстинктивно сделала шаг вперед. Она ясно ощущала, что если сейчас Скорцени не прикажет эсэсовцу остановиться, все, что связывало ее с ним, все моральные, душевные нити оборвутся навсегда. Они и так-то были непрочны. Она шагнула вперед со смертельной готовностью подвести черту под собственной судьбой, с готовностью вернуться в лагерь, принять любую муку, ее даже сейчас не останавливала мысль о Штефане и Джилл, как обычно. Она не могла смотреть на все это и не воспрепятствовать.

– Отставить! – приказала она, не дождавшись команды Скорцени.

Солдат опустил автомат. Он ведь не знает, что она такая же пленница, как эти двое. На ней эсэсовский мундир с погоном оберштурмбаннфюрера, он обязан подчиниться ей.

– Устав запрещает повторный расстрел, – она повернулась к Скорцени и с вызовом взглянула на него, ее зеленые глаза блеснули.

Солдат тоже вопросительно смотрел на него.

– Встаньте в строй, – произнес Скорцени, и эсэовец отошел.

– Устав запрещает повторный расстрел, госпожа оберштурмбаннфюрер, – продолжил Скорцени, неотрывно глядя на Маренн, – но это не имеет отношения к военнопленным. По отношению к ним действуют совсем другие правила, и вам, как члену войск СС, должны быть известны указания рейхсфюрера на этот счет. Однако вы правы, мы поступим по-другому, – едва заметная усмешка скривила его губы.

Сердце Маренн похолодело. Она поняла, что он не отступит. Перед своими подчиненными он не отступит никогда. В какой-то момент у нее в памяти воскресли события восемнадцатого года. Тогда было все масштабнее, и речь шла не о двух солдатах, а о целой армии, своих, не военнопленных. Но вот также неумолимо смотрел на нее Фохт, когда она просила

его не отдавать приказ об обстреле. Позднее он говорил о немцах, которые ринулись в образовавшуюся брешь и угрожали Парижу. Они все равно его взяли двадцать лет спустя, а тех, кто был убит в спину снарядами своей родной французской армии, тех уже не вернешь никогда. Она не смогла простить тогда Фоша. Что же ей делать теперь?

– Отнесите их в дом, – приказал Скорцени, указывая на пленников, мертвого и раненого.

Маренн насторожилась, это еще зачем? Вряд ли оберштурмбаннфюрер собрался лечить того, кто остался жив.

– И жителей, всех жителей туда же. Дом заколотить. Двери, окна – все. Принесите бензин.

Маренн поняла. Он ужаса у нее бешено заколотилось сердце. Голова закружилась. Но она изо всех сил старалась держать себя руках. Она уже знала, что, вполне вероятно, в Берлин она уже не вернется никогда. Но смутно представляла, что ждет ее дальше. Впрочем, сейчас ее даже не волновала собственная судьба. Она знала, что между ними, между ней и Отто, теперь все кончено. Между ней и Германией все кончено. Как когда-то было кончено между ней и Францией. Она останется верна себе. Никакая необходимость, военная или невоенная, не убедит ее в том, что надо сжигать живьем невинных мирных людей. Так же как никакая необходимость, жертва родине, не убедили ее, что надо расстреливать в спину безоружных солдат.

Догадавшись, что их ожидает, жители деревни бросились врассыпную. Надрывно заголосили женщины. Заплакали дети. Поднялся истошный вопль. Солдаты ловили людей, прикладами загоняли в дом. Другие заколачивали окна и двери, тащили канистры с бензином. Маренн посмотрела на Скорцени. Заложив руки за спину, он невозмутимо наблюдал за всем происходящим. И будто не заметил, что она смотрит на него. Она не верила, что он может желать всего того, что собирался сделать. Для чего? Чтобы отомстить за одного погибшего солдата, исполняя приказ рейхсфюрера за каждого убитого немца казнить сотню мирных жителей, а то и больше. Но эти приказы написаны для специальных подразделений, ему, заместителю Вальтера Шелленберга, зачем все это? Ведь его ждет самолет на Берлин, ждет множество дел, которые не связаны ни с какими карательными операциями. Что он хочет показать? Кому? Ей? Что ее ждет в случае неподчинения? А она и так знает. Это же она была в лагере – не он. Она всегда помнит об этом. Она лихорадочно думала, что еще может предпринять. Позвонить Шелленбергу она не может – связь у Скорцени, он ей не даст. Хотя она не остановилась бы и перед тем, чтобы позвонить самому Гейдриху. Что она может? Что? Только кого-то спасти. Спасти хотя бы кого-то.

– Ничего не делайте, я прошу вас, фрау, – она услышала за спиной голос Рауха, в нем явно сквозило сочувствие.

Она повернулась. Адъютант Скорцени смотрел на нее с сожалением. Она даже поняла, что он страдает не меньше, чем она. Ему тоже противно все, что происходит. Но и он бессилен.

– Будет только хуже, – предупредил он.

– Пусть будет, – решительно проговорила она. – Куда хуже, Фриц? Хуже некуда.

Но все-таки она не могла разорвать все сразу. Он стал ей близок, дорог за эти годы. Она полюбила его. И что теперь?

– Господин оберштурмбаннфюрер, – она все-таки сделала еще один шаг. – Я прошу отпустить жителей. В чем жители виноваты? В том, что они укрывали раненых солдат?

Скорцени словно не слышал ее. Он даже не повернул головы. Ни один мускул не дрогнул на его невозмутимом лице. Раух покачал головой, с явным осуждением. Ее – не его. Обескураженная на мгновение его холодностью, Маренн запнулась. Вокруг по улице в ужасе металась люди, они надеялись спрятаться, но спасения не было. Солдаты с улюлюканьем

охотились за ними, а устав ловить, прямо на улице, не доставляя себе больше трудов, пристреливали.

– Зачем жителей? Здесь же одни женщины! Старухи! – с отчаянием закричала Маренн. – Останови их! Отто, останови их!

Она схватила его за рукав. Но он все также намеренно не замечал ее. Раух взял ее руку, хотел отвести в сторону. Но она рванулась от него и бросилась бежать по улице, сама даже не зная куда. Она больше не могла выносить этого кошмара. Вдруг между домов она увидела светловолосого мальчишку лет пяти, в валенках не по размеру и рваном тулупчике. Она сразу его узнала. Это был внучок хозяйки в том доме, где они ночевали. Он прятался за большой обледенелой бочкой, испуганно выглядывая из-за нее. Маренн остановилась. Его найдут – она не сомневалась в этом. И тоже потащат в дом. Она наклонилась к мальчику. Увидев чужую форму, тот испуганно отпрянул, отполз на коленках. Маренн взяла его за руку. В глазах ребенка блеснули слезы. Он смотрел на нее с мольбой.

– Не бойся, – выдавив из себя улыбку, она подхватила ребенка на руки и бросилась за дом.

Мальчишка, видимо, понял, что она хочет спасти его, и доверчиво приник к ее плечу. Задними дворами они выбрались за околицу. Маренн сняла перчатки, натянула мальчишке на покрасневшие от холода руки. Маренн осмотрелась, прижимая ребенка к себе. Он с детским любопытством рассматривал нашивки на черном воротнике ее мундира – кубики и блестящие буквы «SS». Маренн улыбнулась. Совсем малыш. Страх прошел, и уже все кажется игрой. Куда ей теперь с ним? Назад возвращаться нельзя. Не то, что ему, ей самой – тоже. Она решила твердо. Ее взгляд упал на обезглавленные башенки церкви на холме. Держа мальчишку на руках, она как могла быстро, побежала туда. Со стороны деревни потянуло дымом. Маренн оглянулась – все дома полыхали. Мальчик заплакал, уткнувшись лицом в ее плечо. Всклипывая, звал маму. Но, скорей всего, его матери уже не было в живых.

– Тише, тише! – Маренн только крепче прижала мальчишку к себе. – Я тебе помогу, не плачь!

Она чувствовала, что и сама готова разрыдаться – от жалости, от разочарования, от бессилия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.